

БЫВШАЯ ЖЕНА
ВЕРНУЛАСЬ
К ДРАКОНУ

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВ

Александр Витальев

Бывшая жена вернулась к дракону

«Автор»

2026

Витальев А.

Бывшая жена вернулась к дракону / А. Витальев — «Автор»,
2026

Публичный развод с Северином Морром сжег мое имя в драконьем роде. Теперь я живу в маленькой лечебной лавке, сама лечу, сама плачу за крышу над сестрой, и больше никогда не войду в дом, из которого меня вышвырнули как тряпку. Но старая клятва рода решила иначе: если я не вернусь под крышу бывшего мужа, клан снимет защиту с моей младшей сестры, а слухи о его новой невесте уже плетутся гуще, чем его собственные оправдания. Северин смотрит так, будто я снова должна дрогнуть от одного его слова, совет клана требует, чтобы я молчала, а в доме я нахожу письма, которые меняют все, что я знала о той ночи, когда меня выбросили за порог. Он говорит, что измена была подставой. Я хочу верить, но цена ошибки снова ляжет на меня. Как отличить мужскую гордость от мужской правды, если за каждое мое «нет» платит не он, а моя сестра?

Содержание

Глава 1. Печать на ладони	5
Глава 2. Разговор после совета	13
Глава 3. Чужие духи	21
Глава 4. Общий обед	27
Глава 5. Клятва у двери	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Витальев

Бывшая жена вернулась к дракону

Глава 1. Печать на ладони

Письмо лежало на столе ровно там, где я не хотела его видеть. Я только что вытерла столешницу, смахнула крошки хлеба в ладонь, убрала пустую миску из-под микстуры — и вот снова конверт с чужой печатью, серый, тяжелый, пахнущий воском и чужими духами. Я узнала их прежде имени. Слишком часто они висели в коридорах Морр-Холла, слишком часто их капля оставалась на моем запястье после рукопожатия с Эйрой Морр.

Я разрезала сургуч ножом для трав. Перочинный валялся в ящике с моими инструментами, этим я вскрывала только чужие бумаги. Сургуч хрустнул, осыпался крошкой, и я увидела строчку, написанную знакомым мне почерком Северина Морра — ровным, без нажима, как будто он диктовал писцу, а не писал жене. Точнее, бывшей жене.

«По условиям родовой клятвы ты обязана вернуться под кров дома Морр на три месяца. В противном случае браслет защиты с твоей сестры будет снят, а опекунский совет оставляет за собой право пересмотра ее содержания». Подпись стояла сухая, без обращения, без имени, просто «С. Морр, лорд». Ни «Арден», ни «Ливея», ни даже «целительница». Просто бумага и приказ.

Я положила письмо обратно на стол и посмотрела на свои руки. Под ногтями осталась зелень от истолченной мяты, на среднем пальце — свежий порез от стеклянной ступки. Я варила микстуру для мальчика стражника, у которого третий день не спадала лихорадка, и теперь микстура стояла на плите, письмо лежало рядом, и я понимала: если я сейчас не встану и не пойду к нему, мальчик получит лишний приступ. Я — лишний день в этой лавке без права голоса.

— Тетя Лив, — Мира выглянула из-за печи, где грела воду для перевязки. Ее браслет — тонкая медная полоса с гербом Морр — блеснул в неверном утреннем свете. — Опять от него?

— От его канцелярии, — я поправила фитиль под миской. — Не от него.

Мира подошла, встала рядом, посмотрела на письмо так, словно оно могло укусить. Она была уже почти в моем плече, от нее пахло хлебом и дымом: утром она сама растопила печь, пока я перебирала сушеные корни.

— Мы можем просто не открывать, — сказала она тихо.

— Тогда завтра у тебя снимут браслет. Тебя отправят в приют Морр-Холла под присмотр совета. Моя подпись там ничего не будет значить, потому что я уже не Морр.

Я сказала это ровно, без злости. Злость кончилась три года назад, когда меня выводили под руки через черный ход замка. Сгорела дотла, осталась только зола, из которой я слепила эту лавку.

Мира прикусила губу.

— А если мы напишем в гильдию?

— Гильдия уже прислала запрос о моей практике. Совет старейшин намекнул, что мое отсутствие в замке «подрывает доверие к лечебной школе». Если я откажусь войти, у меня отзовут право работать в городе. У тебя снимут браслет. У меня отберут практику. Понятно, на кого они ставят.

— На Эйру, — сказала Мира, и в этом имени было столько яда, сколько она могла вместить.

— На порядок, — поправила я. — Эйра — только знак. Порядок важнее нас обеих.

Я процедила микстуру через марлю в глиняный кувшин, подписала этикетку и поставила кувшин на полку, где хранились лекарства для мальчика. Завтра его мать придет и заберет. Я не буду знать, помогло ли. Скорее всего, поможет. У меня всегда помогало.

— Я пойду с тобой, — сказала Мира.

— Нет. Ты останешься здесь. У тебя есть браслет, у тебя есть крыша, у тебя есть моя подпись под арендой. Если я не вернусь к вечеру — отнесешь кувшин стражнику и заплатишь за два дня вперед.

— Лив...

— Делай, как я сказала.

Она сглотнула, кивнула. Я взяла саквояж — кожаный, с вытертой ручкой, в котором лежало все мое ремесло: флаконы, марля, иглы, маленькая ступка, три пузырька с настойкой и один — с зельем правды, которое я варила только для себя. Не для суда. Для себя. Накинула плащ, подпоясалась, сунула письмо в карман. У двери обернулась.

Мира стояла у плиты, обхватив себя руками. Браслет на ее запястье тускло блестел. Я подумала: я отдам эту лавку, эту крышу, эту работу, этот утренний свет, в котором пахнет мятой и хлебом, прежде чем позволю им забрать у нее браслет.

Я вышла и заперла дверь на ключ.

У ворот лавки стояли двое стражников в плащах Морр-Холла, с гербом на плече. Один из них, постарше, с седым виском, поклонился коротко и формально, как кланяются не бывшей жене, а гостю, которого ждут, но не уважают.

— Госпожа Арден, — сказал он. — Лорд ожидает вас в замке к полудню.

— Я не госпожа. Я целительница. И я иду за своим саквояжем, который остался в лавке.

Стражник моргнул, но не отошел. Я протиснулась мимо, задела его плечом, и почувствовала на запястье, под рукавом плаща, как что-то шевельнулось. Я опустила глаза, сдвинула ткань и увидела, как под кожей, там, где когда-то стояла свадебная печать, медленно проступает тонкая линия — будто кто-то невидимый обводил мои вены горячим серебром. Печать клятвы. Та самая, которую я думала, что погасила вместе с браслетом развода.

Линия запульсировала, обожгла, потом улеглась ровным узором — три короткие черты, замкнутые в круг. Я знала этот узор. Его ставили на брачные свитки Морр три столетия. Теперь он стоял на мне, потому что совет решил, что я еще не ушла.

Стражник за моей спиной молчал. Я знала, что если обернусь, увижу в его глазах то же, что видела три года назад у двери большого зала: жалость пополам с облегчением, что не меня выводят под руки.

Я не обернулась. Я вошла в лавку, забрала с полки кувшин с микстурой, поставила его на прилавок, написала на этикетке имя мальчика и для кого, вышла обратно.

— Передадите его матери, — сказала я стражнику. — Она придет к обеду.

Он взял кувшин осторожно, двумя руками.

Я зашагала к замку. Саквояж бил по бедру на каждом шаге, печать на запястье горела ровно и терпеливо, а в кармане лежало письмо, в котором ни разу не было написано мое имя. Я шла не как жена, и не как служанка, и не как пленница. Я шла как долг, у которого есть лицо и ремесло.

У ворот замка я остановилась, посмотрела вверх, на окно кабинета Северина, и впервые за три года почувствовала, что печать жжет не потому, что меня к нему привязывают. Она жжет потому, что я еще не сказала своего слова. И пока я его не сказала, они имеют право меня держать.

Я поправила рукав плаща, чтобы узор не был виден страже, и шагнула внутрь.

Внутри замок пах иначе, чем я помнила. Не лавандой и воском от хозяйского крыла, а сырой штукатуркой и холодным камнем, как в комнате, которую не топят. Шаги мои отдава-

лись по галерее, и я считала двери, чтобы не думать о печати под рукавом. Третья. Четвертая. Пятая.

Экономка ждала у поворота к восточному крылу. Нора Пелл. Я знала ее лицо, имя вспомнила только сейчас: три года назад она приносила мне утренний отвар и никогда не спрашивала, сплю ли я. Сейчас она держала связку ключей обеими руками, как слуга, получивший приказ.

— Госпожа Арден, — сказала она, и впервые за долгое время я услышала это слово без улыбки на лице говорившего. — Ваша комната в восточном крыле. Третья дверь по коридору. Лорд распорядился, чтобы вы расположились до полудня.

— Я не госпожа. Я целительница. Покажите комнату.

Нора кивнула и пошла вперед. Я не стала смотреть ей в затылок. В этом доме середину между прямой и согнутой спиной не прощают.

Коридор восточного крыла был холоднее остальных. Здесь не топили никогда: я поняла это, когда мы прошли мимо двух запертых комнат и в одной за обоями что-то глухо постукивало от ветра. Нора открыла третью дверь, вошла, зажгла свечу на столе. Я осталась у порога.

Комната маленькая, с высоким узким окном, кроватью под серым пологом, столом, стулом и кадкой для умывания. На столе лежал конверт с гербом Морр и тонкая книга в кожаном переплете — реестр лечебницы. На кровати — стопка белья, сложенная чужими руками, ровно и без складки. У стены стояла узкая полка, уже с тремя горшками для трав и связкой сушеного зверобоя, перевязанного лентой. Это меня остановило.

— Кто принес травы?

— Управляющий. Томас Вейн. Он сказал, что целительнице нужно место для работы.

Я подошла к полке, тронула зверобой. Он был сухой правильно, не пересушенный, и пах так, как пахнет в хорошей лавке. Не в этой. В моей. Три года назад я учила молчаливую кухарку резать зверобой ровным слоем, она резала плоско, я переделывала. Сейчас он лежал здесь, перевязанный чужой рукой, но ровно. Мелочь. Но мелочь в доме, где мне не подадут первого слова за обедом, значила больше согласия.

— Благодарю, — сказала я и тут же пожалела: нельзя благодарить в доме, где тебя приняли по принуждению, это выглядит как признание долга.

Нора не ответила. Она положила ключ на стол, рядом с конвертом, и вышла.

Я села на стул, подвинула к себе конверт, сломала печать. Внутри лежал лист с гербом и короткой строкой от руки. Не Северина — его почерк я бы узнала по наклону. Почерк был ровный, служебный, почти без личности.

«По условиям родовой клятвы вы обязаны находиться в стенах Морр-Холла до окончания срока, определенного советом. Вам предоставляется кров, стол и право заниматься врачебной практикой в пределах замка. Лечение лорда Северина Морра — ваша прямая обязанность. Контракт прилагается».

Под строкой стояла подпись: «Рэйвен Корд, старейшина рода». И ниже, другим пером, уже без подписи, приписано: «Комната в восточном крыле. Стол в общей зале с разрешения лорда. Право голоса в совете не предоставляется».

Я перечитала последнее слово дважды. «Не предоставляется». Юридическая клетка, аккуратно обитая бархатом. Кров — есть. Стол — есть. Право — нет. Я положила лист обратно на стол, рядом с ключом, и посмотрела в окно. За окном лежал мокрый снег, и ели внизу стояли так, словно их забыли подстричь.

Я открыла саквояж, достала реестр, открыла первую страницу. Запасы лечебницы скудны: перечень трав, почти половина пустая, и две заметки в конце чужой рукой. Первая: «Привезти из города: мать-и-мачеха, кора дуба, пять склянок». Вторая, ниже, почерком, который я знала по переписке с гильдией: «Запрос на практику в городе приостановлен до личного

распоряжения лорда». Третья, в самом низу страницы, без подписи: «Аптека замка открыта для слуг в среду».

Я выпрямилась. Если аптека открыта для слуг в среду, значит, сегодня вторник. У меня один день, чтобы спуститься в подвал, перебрать остатки от прошлого целителя и понять, с чем я имею дело. Я достала из саквояжа маленькую ступку, поставила перед собой, раскрыла узелок с зверобоем. Печать на запястье вспыхнула сильнее, будто одобряя, что я наконец занялась делом.

Через час я знала, что половина трав в подвале подменена: сушеный шалфей пахнет жженой бумагой, в углу аптеки стоит деревянный ящик с надписью «к лету», где лежат прошлогодние корни, которые никто не выбросил. Я переписала все в свой реестр, добавила свои пометки, в самом конце, прежде чем закрыть книгу, написала своей рукой: «Зелье правды — варю здесь, для протокола гильдии. Печать лечебницы прошу поставить завтра».

Это было мое первое слово в этом доме.

Я поднялась, вытерла руки о тряпку, и в эту секунду дверь за моей спиной открылась. Не скрипнула — открылась, потому что человек за ней не церемонился с ручкой.

— Ты уже здесь, — сказал Северин.

Я обернулась. Он стоял в дверях в парадном плаще, на котором лежал снег с крыльца, и его взгляд — быстрый, цепкий — прошелся по комнате раньше, чем он шагнул внутрь. Саквояж. Реестр на столе. Ступка. Он посмотрел на мои руки, на тряпку, которой я вытирала пальцы, и на долю секунды в его лице что-то дрогнуло. Он узнал движение. Три года назад я так же вытирала руки после его ночных перевязок.

— Я здесь по контракту, — сказала я. — Не по выбору.

Он снял плащ, повесил на спинку стула, как будто имел на это право. Имел. Это его дом.

— Я знаю, — ответил он, и его голос упал ровно на полтона. — Я пришел сказать тебе, что в среду аптека откроется для слуг. Если ты готова, я дам распоряжение.

— Я готова. И прошу письменное разрешение лечить за пределами замка. В деревне. По средам.

Он посмотрел на меня долго, потом — на мой рукав, где под тканью угадывался узор печати, ответил тихо:

— Я дам распоряжение сегодня.

Я кивнула. Он вышел, закрыл за собой дверь, и я осталась одна с реестром, ключом и первой написанной мной строкой в этой аптеке. Печать на запястье больше не горела. Она стояла, ровная и тихая, как подпись под договором, который я только что переиграла на один шаг.

Ключ остался лежать на столе. Я подобрала его, сунула в карман фартука и спустилась в аптеку, потому что ночь в чужом доме не лечится, а работается.

Лестница пахла сырым камнем и старой сосной. На третьей ступени я остановилась, пересчитала их до площадки: три года назад я упала здесь в темноте и неделю ходила в синяке, который прятала под длинным рукавом. Теперь синяков нет. Ступени считаю все равно.

В аптеке горела одна свеча, оставленная кем-то предусмотрительным, и тянула тонкой струйкой дыма. Я зажгла вторую, третью, поставила ведро с водой на крюк у стены, раскрыла саквояж. Реестр лег на каменный выступ под стеллажом, рядом — ступка, пучок зверобоя и моя толстая тетрадь, куда я выписывала рецепты.

Пальцы привычно пошли по полкам. Верхние банки — сушеный шалфей, половина подменена, пахнет жженой бумагой. Нижние — кора дуба, старая, но живая, годится в отвар от лихорадки. У дальней стены деревянный ящик с надписью «к лету», внутри прошлогодние корни. Я вытряхнула их на стол и в этот момент услышала шаги в коридоре.

Не Нора. У Норы шаг короткий, она ставит ногу осторожно, чтобы не разбудить пол. Этот шаг был тяжелый, мужской, знакомый до тошноты. Я выпрямилась, не успев убрать руки с корней, и Северин вошел в аптеку так, будто имел на это право. Имел. Это его замок.

Он был без плаща, в темной рубашке с расстегнутым воротом. Под рубашкой белела повязка, от нее тянуло мазью и кровью. Не старой. Свежей.

— Я пришел на перевязку, — сказал он. — Контракт.

Контракт. Не «помоги», не «можно». Контракт. Удобное слово, когда не хочется просить.

Я кивнула на табурет у стола. Он сел, не дожидаясь, пока я уберу корни. Я смахнула их в корзину, обтерла руки о тряпку, подошла ближе. Три шага, не меньше. Столько, чтобы не наклоняться к нему через всю комнату. Столько, чтобы он сам снял рубашку.

— Дальше сами.

Он стянул ткань с плеча. Под повязкой порез — длинный, ровный, не от меча. Скорее от ножа, которым режут веревки в темноте. Я сняла бинт, посмотрела края, тронула кожу вокруг. Горячая. Воспаление только начинается. Если оставить так до утра, завтра будет лихорадка.

— Кто это вас?

— Каэл, — ответил он коротко. — Учебный спарринг.

Я не поверила. У Каэла Морр другая рука, он никогда не бьет старшего брата в плечо — плечо рабочая рука. Спорить я не стала. Не мое дело, откуда у лорда порез. Мое дело — чтобы он не умер от воспаления под моей крышей.

Я достала из саквояжа склянку с мазью из зверобоя и воска, подогрела на свече, нанесла на чистую тряпку. Пальцы работали сами, привычно. В этой работе нет лица, нет прошлого. Только рана, повязка, мазь.

— Будет жечь.

Он не ответил. Я положила тряпку на порез и на секунду почувствовала его кожу под своей ладонью. Горячую, живую, чужую. Три года назад я знала эту кожу лучше своей. Сейчас не знала вовсе. Печать под моим рукавом дрогнула, но не вспыхнула, и я мысленно сказала ей: тихо.

Я наложила повязку ровно, без лишних витков, закрепила тесьмой. Руки не дрожали. Это важно. Когда дрожат руки, мужчина думает, что женщина боится. Я не боялась. Я считала витки.

— Готово. Завтра меняйте повязку. Послезавтра покажетесь.

— Ливея, — сказал он.

Я остановилась. Не обернулась. В этом доме меня зовут по фамилии. Когда зовут по имени, что-то сломалось в его плане.

— Контракт не обязывает меня приходить по имени, — ответила я. — И вас не обязывает.

Тишина. Потом звук его руки, натянувшей рубашку на плечо. Потом шаг. Потом тишина уже без него.

Я вернулась к столу, села, открыла свою тетрадь. На чистой странице написала ровным почерком: «Обработка раны лорда. Повязка, мазь зверобой, воск. Замена через сутки». Под строкой, не удержавшись, добавила: «Без подписи. Контракт — да. Имя — нет».

Печать на запястье молчала. В аптеке пахло воском и кровью. Я сидела над своей тетрадью, пока свечи не оплыли на два пальца, и ждала, когда уйдет эта ночь.

Первая строка пошла ровно: «Порез левого плеча, длина четыре пальца, край ровный, воспаление раннее. Обработка: мазь зверобой и воск, повязка льняная, тесьма». Под датой я поставила не подпись, а инициал — «Л.А.», как в аптечной книге лавки: в этом доме у меня пока не было права ставить имя целиком. Вторая строка вышла короче: «Лорд Морр. Без сопровождения. Контракт». Третью я хотела не писать, но записала: «Зов по имени. Отказ».

Пусть останется. Если завтра совет спросит, как прошла первая ночь лечения, у меня будет своя бумага, а не только его память.

За окном аптеки тянуло сыростью с реки. Я поднялась, прикрыла ставень, вернулась к столу. В голове крутилось то, чего я не хотела крутить: его кожа под моими пальцами, горячая, знакомая. Я стерла это движением руки, будто смахивала крошку со стола. Печать под рукавом не отзывалась. Она лежала тихо, как старая монета в кармане, которую забыли потратить.

На лестнице послышались шаги — легкие, в два такта. Нора. Я узнала ее по тому, как она замирала на третьей ступени, чтобы пламя свечи не качнулось. Она вошла с подносом, на котором стояла глиняная чашка и маленький кувшин.

— Кухарка сказала, вы не ели с вечера. Это травяной отвар. Не для лорда, для вас. С мятой и липовым цветом.

Я посмотрела на чашку. Пар от нее поднимался ровно, без спешки. Нора поставила поднос на край стола, рядом с моей тетрадью, и руки у нее дрожали — едва заметно, только в запястье.

— Кто-нибудь спрашивал про меня?

— Дарен Кессель заглядывал к лечебнице перед обедом. Хотел увидеть, как вы разместились. Я сказала, что вы отдыхаете после дороги. Спрашивал про реестр.

— Что именно?

— Спрашивал, вписали ли вы первого пациента.

Я кивнула. Это было понятно. Дарен всегда хотел знать, кто первый, чтобы занять место второго. Я промокнула перо, дописала в реестре: «Первая запись — лорд Морр, по контракту». Пусть видит, кто пришел ко мне первым, и сам делает выводы о своем месте в очереди.

— А Томас?

Нора качнула головой.

— Томас с утра на кухне. Ругается с поставщиками. Говорит, что кладовая для слуг пуста, а лорд приказал кормить раненых стражников отдельно. Еще приходила Эйра Морр. Спрашивала, в какой вы комнате. Я сказала, что в восточном крыле, и что комнату выбирала не она.

Я подняла глаза.

— Она удивилась?

— Она улыбнулась. И ушла.

Я отпила отвар. Горячий и слишком сладкий — кухарка всегда клала мед, когда нервничала. Три года назад та же кухарка варила мне такой же отвар, когда я возвращалась из ночной перевязки. Тогда он казался заботой. Сейчас — ценой, которую я не просила платить.

— Нора, — сказала я тихо. — Завтра утром мне нужно в лавку. По контракту я имею право вести прием в среду, но только если лорд подпишет разрешение. Северин сказал, что подпишет сегодня.

Нора посмотрела на меня ровно, без удивления.

— Я отнесу ему бумагу. На подпись. Сейчас.

Печать на запястье кольнула, будто я задела иглой. Не ровный медный свет, как потом, когда она горела днями, а короткий укол, точно кто-то ткнул меня под браслет пальцем и тут же отдернул. Я замерла над реестром, не донеся пера до строки.

Кто-то стучал. Не в парадную, не в черный ход. Стук шел изнутри, с лестницы наверх, из комнаты Миры.

Я не помню, как встала. Помню, что чернильница осталась открытой, и на реестре лег отпечаток моего локтя, а на лестнице было холодно, потому что северная стена промерзала до костей. Дверь наверху была приоткрыта ровно на ладонь. Мира всегда так оставляла, чтобы слышать, как я хожу вниз.

Она сидела на кровати, в старой шубе, наброшенной на голое плечо. Шуба была Северина, та самая, медвежья, которую я забыла три года назад, и которую Томас Вейн молча поло-

жил у порога в первый вечер. Мира нашла ее на сундуке и спрятала, и я сделала вид, что не заметила. Сейчас шуба сползла, и я увидела, что левая рука сестры висит плетью, и кисть распухла, и кожа под браслетом не просто покраснела, а пошла мокрыми пузырями.

— Обожглась, — сказала Мира быстро, не глядя. — О край жаровни. Я хотела согреть чайник.

Я не поверила ни единому слову. Жаровня не давала таких ожогов. Жаровня давала красную полосу, ровную, стянутую. Пузыри были от пара. От крутого кипятка, который плеснули сверху, или снизу, или приложили мокрую тряпку, которую только что сняли с кипящего котла.

Я села рядом, не спрашивая разрешения. Мира не отодвинулась, значит, боль была сильнее, чем страх. Я взяла ее руку, развернула кисть к свету из окна. Пузыри шли двумя полосами, от запястья к мизинцу и обратно, как будто по руке хлестнули мокрой тканью. Браслет сидел глубоко в отекающей коже, металл впился в мясо, под ним ткань уже синела.

— Это не жаровня, — сказала я.

Мира наконец посмотрела на меня. Глаза у нее были сухие, злые, взрослые. Мне стало страшно, потому что три года назад она плакала от любого пореза.

— Это Томас Вейн, — выговорила она. — Нет. Не он. Он сказал отойти. Это Дарен Кессель. Он приходил утром, когда ты была у ворот. Сказал, что должен осмотреть браслет, потому что гильдия требует отметки о состоянии металла. Я сказала, что целителя звали не его. Он попросил снять браслет на минуту. Я сказала нет. Он сказал, что это приказ совета, и что гильдия пришлет своего человека, если я не дам руку. Я сказала нет. Тогда он взял тряпку с кипящего котла. Одним движением. Быстро. Чтобы я не успела отдернуть.

Я держала ее руку и не дышала.

— Больно, — сказала Мира. — Больше, чем когда я упала с крыши сарая. Больше, чем когда ты зашивала мне бровь. Он знал, что делает. Он целитель, мам... — Она осеклась. Мамой она меня не звала три года. — Он знал, как сделать, чтобы шрам не сошелся, если не снять браслет сразу. Чтобы я сама попросила его снять.

Я поняла.

Если Мира сама попросит снять браслет, совет получит формальное основание считать, что защита рода ей не нужна, что она добровольно отказалась. Тогда стражники не пустят ее в Морр-Холл, и она останется одна, в лавке, без права даже на порог. Ливея Арден, целительница без практики, без сестры под защитой, без крыши над головой, кроме собственного угла. И тогда совет сможет сказать: девочка сама отказалась, мы не при чем, а Ливея пусть возвращается под кров дома Морр уже не как гостя, а как невенчанная должница, и контракт на лечение лорда будет подписан не ею, а за нее.

Я положила руку Миры себе на колени, осторожно, подушечкой большого пальца прощлась по здоровой коже у запястья. Пульс был частый, но ровный. Лихорадки пока не было.

— Слушай меня, — сказала я. — Браслет не снимаем. Ни сейчас, ни потом. Если Дарен вернется, ты зовешь Нору Пелл. Если Норы нет, ты зовешь стражника у ворот. Того, молодого, которому ты год назад промывала колено его ребенку. Он не Морр, он Рэйвенон, но ребенка он тебе приведет. Поняла?

Мира кивнула.

— Теперь про боль. Я дам тебе настойку коры ивы. Ложку под язык, не пить, держать, пока не растает. Через час дам еще ложку. Ночью дам третью. Утром опухоль спадет, и мы посмотрим, что под браслетом. Если кожа под ним сгнила, я сама пойду к совету и сама скажу, что Дарен Кессель применил лекарское знание против ребенка под защитой рода. Поняла?

— Он скажет, что это я сама, — сказала Мира тихо. — Он всегда говорит, что это я сама.

— Он не успеет, — сказала я. — Потому что ты сейчас наденешь мою старую кофту, я перевяжу тебе руку чистой лентой, и мы спустимся вниз и будем пить чай. Нормальный

чай. Я пойду к Ине Сторм и куплю нормальный чай, потому что шестой пункт моего списка я зачеркну сегодня.

Мира фыркнула, и от этого фыркания у нее дернулась рука, и она зашипела сквозь зубы, и я увидела, что у нее дрожит подбородок. Я наклонилась и поцеловала ее в макушку, в ту макушку, которую три года назад стригла сама, ровным кругом, чтобы волосы не лезли в глаза. Сейчас волосы были спутаны, и пахли дымом, и я почувствовала, как у меня защипало в носу. Я не заплакала, потому что плакать было некогда.

Я перебинтовала ей руку чистой лентой из своего ящика. Лента была плотная, я накладывала ее от пальцев к локтю, не туго, чтобы не пережать опухшую ткань, и придерживала браслет двумя пальцами, чтобы он не давил. Мира сидела смирно, и я видела, что она смотрит на мои руки, и в ее взгляде было что-то похожее на зависть. Не к браслету, не к реестру, не к ключу от аптеки в моем кармане. К тому, как я держу ленту. К тому, что у меня твердые руки.

Когда я завязала последний узел, Мира сказала:

— Лив. Если он придет снова, я ему скажу, что ты дома.

— Ты не будешь ему ничего говорить, — ответила я. — Ты будешь сидеть за прилавком и сортировать травы. Если он войдет, ты поднимешь левую руку и покажешь ему повязку. И все. Больше ничего. Он увидит, что ты ранена, и что повязку наложила целительница, и что повязка лежит ровно, и что это не тряпка, а лента. Он поймет, что я знаю. И уйдет.

— А если не уйдет?

— Тогда я войду.

Я сказала это ровно так, как говорят пациенту, которому обещают, что боль пройдет. Не потому что я была уверена, а потому что Мире нужно было услышать эти слова именно от меня, именно таким голосом. Я встала, набросила ей на плечи медвежью шубу, подобрала сползающий край, и мы вместе спустились вниз.

В лавке было холодно. Я подбросила два полена в жаровню, поставила чайник, и пошла к двери. На пороге я остановилась и перечитала реестр. Чернильница была открыта, на странице остался отпечаток моего локтя. Я подвинула чернильницу ближе к краю, чтобы не опрокинуть, и дописала под списком шестым пунктом, поверх всего, крупно, через всю строку:

«Купить нормальный чай. И соль. И мазь от ожогов с серебром, если у Ины есть».

И ниже, мелко, почти неразборчиво, потому что я не хотела, чтобы Мира увидела с лестницы:

«Записать показания Миры против Дарена Кесселя. Сегодня. До субботы».

Я закрыла реестр, положила перо, и пошла к двери. На пороге черного хода я задержалась и посмотрела на свою правую руку. Под ногтями была зелень от мяты, на среднем пальце — свежий порез. Я подняла руку, посмотрела на нее так, будто видела впервые.

Твердые руки.

Я открыла дверь и вышла к Ине Сторм за нормальным чаем.

— Нет. Я отнесу сама. Утром. Чтобы он увидел мою подпись рядом с его.

Нора кивнула, собрала поднос и вышла. Шаги ее растаяли внизу, а я сидела над реестром, и под моими пальцами на чистой странице остался мокрый отпечаток от чашки. Я подождала, пока он высохнет, и обвела его тонкой линией, как печать. Маленькая личная печать на документе чужого дома.

Печать на запястье молчала. В кармане фартука лежал ключ от аптеки, и он впервые за три года показался мне не чужим.

Глава 2. Разговор после совета

Ключ мне не дали сразу. Его положили на стол в большом зале, рядом с печатью и чернильницей, как будто это не ключ от спальни, а повестка в суд. Я взяла его прежде, чем кто-то из старейшин успел передумать, и взвесила на ладони: тяжелый, холодный, с насечкой по краю. Пах чужим железом и чужими руками. Я сжала его в кулаке, чтобы никто не видел, как от холода у меня свело пальцы.

— Ливея Арден, — голос Рэйвена Корда скрипнул по камню зала, как старый сук. — Статус в этом доме — гостя рода. Не жена, не хозяйка. Стол и кров — по милости совета.

Я не повернулась. Смотрела на ключ. Если бы я сейчас подняла глаза, они бы увидели, как у меня дернулась щека, а этого мне сегодня хватало с лихвой. Я убрала ключ в карман передника и только тогда обернулась.

— Я слышу вас, старейшина Корд.

— Восточное крыло. Там вам выделяют комнату под лечебницу и спальню. Замок не отвечает за ваши прогулки за стену. Если что-то нужно — пишите через управляющего.

Управляющий. Томас Вейн. Я вспомнила его лицо: сухое, аккуратное, ни тени сочувствия, ни тени злорадства. Так смотрят на яблоко, которое упало не в свою корзину и теперь надо решить, выбросить его или продать подешевле. Я кивнула ему коротко, как равному, хотя по правилам этого дома он был надо мной.

Томас шагнул вперед, держа в руках тонкую папку.

— Контракт на лечение лорда Морра, — сказал он без выражения. — Подпишите сейчас или после того, как осмотрите комнату.

— После, — ответила я. — Я подписываю только то, что видела.

Он не настаивал. Это было почти страшнее, чем если бы он настаивал. В большом зале пахло камнем, воском и застарелым дымом; где-то под потолком тянуло холодом от плохо закрытого окна. Я пошла к выходу, и каждый шаг по плитам звучал для меня слишком громко.

Меня догнал Каэл Морр, младший брат лорда. Он придержал дверь черного хода, как когда-то, когда я здесь была чужой только наполовину.

— Лив, — сказал он тихо. — Третья дверь по коридору. Там светлее.

Я остановилась. Посмотрела на него. Каэл всегда был из тех мужчин, которые извиняются за чужую вину, потому что больше ничего не могут.

— Я не Лив, — сказала я ровно. — И не Морр. Я здесь по контракту, а не по родству. Где тут пишут жалобы на качество комнат?

Он сглотнул и отступил.

Я поднялась по узкой лестнице. Ступени были выщерблены посередине, как будто по ним три года ходил кто-то тяжелый и нетерпеливый. На площадке пахло сушеной мятой и сырой штукатуркой. Третья дверь открылась легко, будто ждала.

Комната была маленькая, чистая, почти голая. Кровать под серым пологом, стол у окна, таз для умывания, зеркало без рамы. На столе уже лежала записка: «Завтрак в семь, ужин в шесть. После десяти просим не ходить по коридору». И ни слова о том, что меня ждут на кухне.

Я положила ключ на стол. Он не согрелся.

Снизу, из-за двери, послышались шаги. Не Каэл — тот ступал мягче. Не Томас — тот двигался, как по линейке. Это был Северин. Я узнала его по тому, как дверь внизу открылась не рывком, а одним долгим движением, будто он никогда не торопился в собственном доме.

Я не стала спускаться. Подошла к столу, развернула папку, которую мне оставили, и прочитала контракт от первой до последней строки. Между «лечить лорда лично» и «не разглашать состав снадобий» я нашла главное: «Исполнитель обязуется проживать по указанному адресу весь срок действия договора. Срок — до погашения печати клятвы».

Печать. Та самая, что полгода назад впервые обожгла мне запястье в лавке, когда принесли письмо от совета. Я машинально посмотрела на руку. Кожа была чистой. Но под ней, в глубине, что-то отозвалось холодом, как будто ждало своего часа.

На пороге комнаты стало тесно. Я подняла глаза.

Северин стоял в дверях. Темный камзол, волосы собраны назад, как тогда, в день развода. Он смотрел не на меня — на стол, на ключ, на папку в моих руках. Потом перевел взгляд.

— Ты подписала? — спросил он.

— Я прочитала.

— Это одно и то же.

— Нет, — я положила ладонь на контракт. — Одно — слово, которое я даю. Другое — бумага, которую мне дали подписать без чужого присутствия.

Он вошел. Один шаг. Я не отступила, но пальцы под рубашкой сжались. Он пах одеколоном, дымом и железом. Я знала этот запах. Три года назад он лежал на моей подушке, и я думала, что умру, когда его не станет.

— Здесь нет лечебницы, — сказала я, чтобы не молчать. — Мне обещали комнату под лечебницу. Это спальня.

— Лечебница в башне, — он кивнул на стену за моей спиной. — Дверь в конце коридора. Там все, что осталось от прежней школы. Если чего-то не хватает — напиши Томасу.

— Я не буду писать Томасу.

Северин чуть приподнял бровь.

— Тогда мне, — сказал он тихо. — Ночью у меня новая рана. Контракт начинается с первой ночи.

Он не сказал «пожалуйста». Не сказал «если тебе удобно». Просто поставил перед фактом и ждал, что я привычно кивну, как привыкла три года назад. Я стояла, держа ладонь на контракте, и впервые за долгое время понимала, что мой голос в этом доме ничего не стоит.

Я открыла папку. Взяла перо, которое лежало рядом с чернильницей. И написала внизу контракта, мелким четким почерком: «Принято с условием. Осмотр раны — только в лечебнице. Без свидетелей. Подпись лекаря — только после осмотра. Л. Арден».

Он прочитал. Губы сжались. Я видела, как ему хочется зачеркнуть, вырвать лист, сказать, что я не в том положении, чтобы ставить условия. Но я смотрела на него прямо, и он это прочитал тоже.

— Хорошо, — сказал он.

Развернулся и вышел. Дверь осталась открытой. Из коридора тянуло холодом и чужим одеколоном.

Я медленно выдохнула. Поставила подпись под своей припиской. Положила перо. За окном в темноте шел первый снег, и было слышно, как где-то внизу служанка торопится закрыть ставни.

Я осталась одна в чужой комнате, с чужим ключом, с чужим контрактом, в котором было написано «лечить лорда лично», но ни слова — «жить с лордом». И впервые за этот день у меня в руках было хоть что-то, что я написала сама.

Я спустилась в башню, прижимая к груди саквояж. Коридор был узкий, каменный, без ковров: ни дать ни взять служебный ход, по которому когда-то носили белье и уголь. Дверь в конце была обита железом и заперта на простой засов. Я отодвинула его, толкнула створку и вошла, готовая к худшему.

Худшее оказалось именно таким. Лечебница стояла, как покинутый дом после пожара. Длинный стол под окном был завален банками с мутным содержимым, на полках лежали пучки трав, иссохшие до состояния соломы, на стене висел забытый плакат о кровопускании с оторванным углом. Пахло камнем, пылью и застарелой плесенью. Я перехватила саквояж поудобнее и начала.

Сначала — инвентаризация. Я прошлась вдоль полок, трогая каждую банку. Корень алтея ссохся, но еще годился в отвар от кашля. Розмарин превратился в труху. Кора дуба почернела от сырости. Мята, чудом сохранившаяся в глиняном горшке у окна, пахла так, словно ее только что сорвали. Я переставила ее на подоконник, где свет был гуще, и выдохнула. Это была моя мята. Я сама посадила ее в ту весну, когда думала, что буду здесь жить.

Потом я открыла шкаф у стены. За мотками бинта, пожелтевшего от времени, лежала папка. Тонкая, без подписи, перевязанная лентой. Лента была не этой эпохи. Я развязала узел, вытащила первый лист и прочитала первую строку: «Показания служанки Марты, данные под присягой дома Морр». Дальше шло описание ночи, когда меня обвинили в отравлении лорда. Я пробежала глазами. Показания были чужие. Подпись под ними стояла — Марта. Ту Марту, что шила мне свадебное платье.

Я закрыла папку. Положила обратно. Прислонилась к шкафу спиной и посмотрела в окно, где снег уже налипал на карниз. Значит, показания были. Значит, их не сожгли. Значит, кто-то в этом доме считал, что они мне понадобятся.

Шаги в коридоре были тяжелые, неровные, с хромотой на левую ногу. Я узнала эту хромоту прежде, чем человек вошел: Томас Вейн. Он остановился на пороге, держа в руке корзину с чистым бельем и небольшой жестяной чайник.

— Кухня послала, — сказал он, не глядя мне в глаза. — Бинты и полотенца. Чайник для кипятка. Если нужно еще, скажите утром.

Я приняла корзину. Руки у меня были заняты, и он это заметил: руки пахли пылью и травой, под ногтями засела грязь от тех самых банок.

— Мне нужны свечи, — сказала я. — И вода для мытья. Три ведра. Если найдется мыло — любое, хоть хозяйственное.

Томас кивнул, развернулся и ушел. Я отнесла корзину к столу и принялась за работу.

За два часа я вымыла стол, вытерла полки, перебрала травы, сортируя годное и мертвое. Те, что еще дышали, я связала в пучки и развесила под потолком, где тянуло сквозняком от щели в раме. Мертвые сложила в мешок у двери — их сожгут в кухонной печи. Нашла чистые склянки, протерла их уксусом, расставила по ранжиру. Плакат сорвала и свернула в рулон — он мне не нужен, а глаза мозолил.

Когда я закончила, в лечебнице пахло мятой, уксусом и чистым камнем. Я выпрямилась, разминая поясницу, и услышала, как где-то внизу, в недрах замка, пробили часы. Десять.

Северин сказал — первая ночь. Я посмотрела на стол, где лежал свернутый чистый бинт, рядом — флакон с заживляющей мазью, которую я сварила еще в лавке. Все было наготове. Я накинула на плечи шаль, взяла свечу и пошла к нему.

Его комната была этажом ниже. Дверь была чуть приоткрыта. Я толкнула ее носком, вошла.

Северин сидел на краю кровати, рубашка снята до пояса, на левом боку — свежий порез, не глубокий, но рваный. Я поставила свечу на стол, опустилась на колени перед ним на чистую тряпицу, которую сама же положила здесь утром, и подняла глаза.

— Где нож прошел?

— Ниже ребра. Не задело.

Он не отстранился. Я вымыла руки водой из кувшина, отжала полотенце, промокнула рану, осмотрела края. Разрез был рваный — не меч, не кинжал. Скорее удар о камень или заусенец на стене.

— Это не драка, — сказала я, не поднимая глаз.

— Контракт не требует от меня объяснений, — ответил он.

Я набрала мазь на палец, нанесла тонким слоем. Под моими руками его кожа была горячей, а дыхание — слишком ровным, чтобы быть спокойным.

— Контракт не требует, — согласилась я. — А реестр дома требует. Если вы порежетесь о дверной косяк, я обязана записать, что это был дверной косяк. Иначе совет потом спросит, кто его ударил.

Он промолчал. Я перевязала рану, затянула бинт узлом, не туго. Положила ладони на колени.

— Через три дня придете на перевязку. Бинты я оставлю здесь, у вас под рукой.

— Лив, — сказал он тихо.

Писец поднял перо. — Я не Лив, — ответила я, не поднимая глаз. — Я лекарь Л. Арден. Закончили на сегодня.

Я задула свечу и вышла, оставив его в темноте. У двери в свою комнату я остановилась. Подняла свечу, посмотрела на ладонь. Она была чистой, но кожа под ней, в глубине, там, где когда-то горела печать, ныла тихим холодом.

Я вошла к себе, не оглядываясь, и впервые за этот день подумала, что лавка в городе ждет меня не хуже этого дома. И что до утра я могу не думать ни о чем, кроме мыла и чистых бинтов.

Я проснулась от того, что в замке кто-то спускался по лестнице торопливо, по-ночному, стараясь не стучать каблуками. Свеча у изголовья оплыла на четыре пальца, и фитиль тлел ровно, как маленький часовой. Я прислушалась к шагам, считая. Мимо моей двери. Ниже, к хозяйственному крылу. Это была не стража: те ходят парой и цокают подковками. Это шла одна женщина в мягких туфлях, и волокла за собой что-то тяжелее сумки.

Я встала, накинула шаль, подошла к двери. Тронула ручку. Она была холодной, потому что в коридоре никто не топил. Открыла.

Тусклый свет от ночного фонаря выхватывал силуэт у поворота к галерее. Юбка, узкая спина, темный платок на голове. Я узнала Нору Пелл по походке: ключница ступала так, будто у нее в кармане лежал чужой секрет, и она не знала, куда его положить. В руках у нее был сверток — тряпки, книга, что-то тяжелое.

— Нора, — позвала я шепотом.

Она вздрогнула так, что сверток чуть не упал. Обернулась, прижала его к груди.

— Господи. Лекарь Л. Арден, не пугайте меня, пожалуйста. — Голос у нее был хриплый, со сна, и совсем не злой.

— Вы несете это на кухню?

— В подвал, — сказала она тихо, подумала и добавила: — По распоряжению управляющего.

Под распоряжением управляющего. Я кивнула, как будто поверила. На лице у Норы дрогнуло: она знала, что я не поверила.

— Я провожу вас до лестницы, — сказала она. — Здесь темно, и стражники нынче нервные.

Я вышла с ней. По дороге она несла сверток бережно, ровно. Я заметила, что угол ткани, в которую было завернуто что-то, отогнулся: там был корешок книги. Переплет темный, без надписи. Я узнала его прежде, чем додумала мысль: это была книга контрактов дома Морр, та самая, которую управляющий держал в кабинете под замком.

В подвале пахло сырой капустой и старым маслом. Нора поставила сверток на полку у дальней стены и повернула ко мне лицо. Свет от фонаря, висевшего под потолком, очерчивал у нее скулы и тени под глазами.

— Лекарь, — сказала она, и голос у нее упал. — Сегодня в полдень совет послал гонца к Эйре. Ей передали ключ от левой кладовой. Вы понимаете, что это значит?

Я поняла. Левую кладовую открывали только в двух случаях: когда в дом входила новая хозяйка, или когда старую хозяйку вычеркивали из реестра насовсем. Эйра получала ключ от кладовой, где хранились запасы для хозяйки, — белье, свечи, тонкие ткани, к которым служанкам прикасаться запрещено.

— Зачем мне это знать? — спросила я.

— Потому что ваш контракт о лечении лорда подписан на бумаге с гербом дома. — Нора смотрела на меня ровно. — А герб теперь заведует она.

Я поняла, что она имеет в виду. Контракт — это не только медицинское обязательство. Это юридический акт, по которому моя работа в замке оплачивается. Если гербовая бумага теперь под Эйрой, любая жалоба от нее в совет может быть оформлена как жалоба хозяйки. На формальную отписку. На формальный вывод.

— Откуда вам это известно? — спросила я.

Нора помолчала, потом подняла руку. На запястье у нее тонким шрамом — старым, зажившим — тянулась черта. Я знала этот знак. Его ставили тем служанкам, которые однажды пытались уйти из дома Морр и были возвращены. Их больше никогда не отпускали по-доброму.

— Я теперь ваш должник, — сказала я тихо. — За эту книгу?

Нора покачала головой. Сказала еще тише:

Радан не перебил. — Я не продаю. Я боюсь.

Она взяла фонарь, и мы пошли обратно. У поворота к восточному крылу она остановилась и сунула мне в руку что-то маленькое, холодное, ключ.

— Это от нижней аптекарской, — сказала она. — Там, где раньше хранили вытяжки из грибов. Утром там будет чисто.

Я взяла ключ. Он был теплее ее ладони.

— Нора, — сказала я. — Спасибо.

Она ушла. Я вернулась к себе, заперла дверь и долго сидела на кровати, держа ключ между пальцами. Потом засунула его поглубже, в карман шали, и легла. Сон не шел.

Утром я спустилась к себе в лечебницу с первым светом. На столе уже стоял поднос с хлебом и кружкой отвара. Томас Вейн больше не приходил, но кто-то из кухонных прислал. Я работала без обеда до полудня: разложила по местам склянки, записала состояние каждой травы, подвела итог — годного сырья на четыре недели, не больше. Если контракт затянется, мне нужно будет договариваться с поставщиками из города. Но контракт пока был подписан на три месяца. Я положила запись в книгу и вышла.

В большом зале, когда я проходила мимо, былолюдно. Через приоткрытую дверь я увидела Эйру у камина. На ней было серое утреннее платье с чужого плеча. Она разговаривала с Рэйвеном Кордом. Старейшина стоял к ней вполоборота, седая голова склонена, слушал. Советник из хозяйственного крыла нес ему записку. На подносе у секретаря — мое имя, написанное чужой рукой.

Я не остановилась. Не мое дело. Я ушла в аптекарскую, которую открыла ключом Норы. Внутри было сухо, прохладно. За стеллажами с грибами я нашла второй шкаф. Отперла его своей связкой — Нора дала мне не один ключ, а два, второй был от внутренней двери. За дверью лежали два ящика: в одном — высушенные образцы, в другом — личная переписка прежней аптекарши, которая вела здесь дела двадцать лет. Я быстро перебрала верхний ярус. Внизу, под слоем пергамента, лежала тетрадь. Я открыла.

Первая страница: список лекарств, сваренных на дом Морр. 14-й год. Запись: «По заказу совета, для лорда, против ран клинковых — рецепт с грибом щавель, срок хранения — неделя». Под записью другим почерком: «Отменено. По заказу советника Р. Корда. Заменить на рецепт №7». Рецепт №7 я знала: это была вытяжка, дозировка которой при ошибке давала сильную рвоту. Если перепутать с рецептом от кашля — яд на три дня. Подмена старого рецепта. Подмена, за которую потом обвинили меня.

Я захлопнула тетрадь. Руки у меня дрожали. Я спрятала тетрадь под фартук и пошла обратно в лечебницу.

У двери меня ждал Северин. Стоял, прислонившись плечом к косяку. Лицо серое, движения скованные. На левом боку, под рубашкой, — свежая повязка. Под ней — рана, которую я вчера перевязывала. Он сорвал бинт сам, раньше срока.

— Что вы сделали с раной? — спросила я вместо приветствия.

— Перевязку, — ответил он коротко.

Я шагнула вперед, убрала край рубашки. Бинт был сбит, ткань пропиталась чем-то сукровичным.

— Войдите, — сказала я. — Садитесь.

Он вошел, сел на табурет. Я сняла повязку, промыла край, наложила мазь. Руки у меня тряслись — не от его раны, а от того, что лежало у меня под фартуком.

— Вчера, — сказал он тихо, — в канцелярии нашли общий реестр контрактов. Утром совет будет решать, какие из них действительны.

Я не ответила. Я затягивала бинт.

— Лив, — позвал он.

— Лекарь Л. Арден, — поправила я, не поднимая глаз. — Я сейчас не Лив. Я сейчас человек, у которого из-под фартука торчит тетрадь, в которой записано, что ваш род подставил меня по рецепту №7. И я еще не знаю, что с этим делать. Очень не хочу решать это при вас. Выйдите.

Он встал. У двери остановился.

— Я могу уйти, — сказал он. — Но совет будет через час.

— Я знаю, — ответила я. — Поэтому я вас и прошу выйти.

Он вышел. Я заперла дверь, села на табурет, где он только что сидел, и положила тетрадь на стол. На первой странице — почерк, которым я три года назад подписывала показания. Я провела пальцем по строке. Рука не дрожала. Я знала, что делать. Я закрыла тетрадь, положила в нижний ящик стола, заперла ключом, ключ — обратно в карман шали.

До совета оставалось сорок минут. Я встала, выпрямилась, пошла к двери. У порога оглянулась на лечебницу — чистый стол, мята на окне, бинты по ранжиру, никакой тетради на виду. Потом открыла дверь и вышла в коридор.

В конце коридора меня ждала Эйра, и на ее лице было написано что-то, что я раньше у нее не видела. Интерес.

Я остановилась на полшага. Коридор был узкий, каменный, пахнувший холодной известью и чужими духами — сладкими, густыми, из тех, что Эйра возила с собой в деревянных шкапулках. Она стояла у поворота к лестнице, ведущей в большой зал, и смотрела на меня так, будто только что увидела впервые.

— Лекарь Л. Арден, — сказала она. — Уже с прозвищем.

— Без прозвища, — ответила я. — Я иду в совет.

Она не двинулась с места. Платье на ней было серое, плотное, с чужого плеча — я узнала крой дома Морр, но не узнала ткань. Племянница королевского казначея не носит хозяйское тряпье. Она носит чужое тряпье, чтобы показать, что ей разрешили.

— Совет не принимает голоса бывших жен, — сказала она ровно. — Это решение старейшин, не мое.

— Я знаю, — ответила я. — Поэтому я иду не как бывшая жена. Я иду как человек, у которого в кармане лежит ключ от нижней аптекарской и контракт на лечение лорда. А контракт — это бумага с гербом дома. И герб теперь заведуете вы.

Эйра моргнула. Медленно, один раз. Потом улыбнулась — тонко, углом рта.

— Вы хорошо осведомлены, лекарь.

— Я хорошо читаю, — сказала я. — И я хорошо считаю. У меня три месяца контракта. Если за три месяца меня выставят без выплаты, совет будет решать, кто компенсирует мою работу. И это будет записано в реестр. А реестр, как я поняла, теперь общий.

Она сделала шаг ко мне. Духи ударили в нос — роза, мускус, что-то медовое, что я не любила три года назад и не полюбила сейчас.

— Ливея, — сказала она тише, и в голосе зазвенело что-то, чего я раньше у нее не слышала. Не злость. Просьба. — Не ходите в совет. Вас там не услышат. Вы сами знаете, как здесь устроено: голос подают лорды, а голоса женщин считают шепотом. Я могу вам помочь. Я могу сделать так, чтобы контракт остался в силе, а ваша практика в лавке не пострадала.

Я смотрела на нее. За спиной у нее, в конце коридора, слышались шаги — тяжелые, мужские, в такт. Кто-то из старейшин спускался к залу. У меня было минуты две, не больше.

— Чем я заплачу? — спросила я.

Эйра подняла руку. На пальце блеснуло кольцо — тонкое, серебряное, с маленьким камнем. Кольцо невесты, но не помолвочное. Кольцо гостя рода.

— Ничем, — сказала она. — Я просто хочу, чтобы вы ушли из замка. Сегодня. До совета. Спокойно, без скандала, без записки в реестр. Я дам вам провожатого до лавки, оплачу дорогу и обещаю, что гильдия не тронет вашу практику. Вы вернетесь к сестре. Я вернусь к своим делам. Мы обе будем целы.

Я молчала. Шаги за спиной Эйры приближались. В кармане у меня лежал ключ от нижней аптекарской, а под фартуком — ничего: тетрадь я оставила в столе, под замком. Эйра этого не знала. Эйра не знала, что я уже прочитала рецепт №7 и знаю, кто его подменил. Она предлагала мне сделку, думая, что у меня в руках пусто.

— Ваше предложение щедрое, — сказала я наконец. — Но я не уйду.

Она отступила на полшага. Улыбка дрогнула.

— Вы не понимаете, что делаете, — сказала она.

— Понимаю, — ответила я. — Я впервые за три года понимаю, что делаю в этом доме. И я не уйду, пока совет не скажет мне это в лицо.

Шаги за ее спиной остановились. Я обернулась. В конце коридора стоял Северин — без мундира, в простой рубашке, левая рука прижата к боку, где под тканью белела свежая повязка. Он смотрел не на меня. На Эйру.

— Совет через двадцать минут, — сказал он. — Лекарь Л. Арден будет присутствовать. По контракту.

Эйра повернулась к нему. Я видела, как изменилось ее лицо: секунду назад она была просительницей, теперь стала чужой.

— По какому контракту? — спросила она.

— По тому, который вы подписали вчера, — ответил Северин. — Гербовая бумага. Ваша подпись. Моя подпись. Лекарь Л. Арден имеет право присутствовать при обсуждении условий ее работы. Это не просьба. Это пункт четвертый.

Он прошел мимо Эйры, не задев ее плечом, но так, что ей пришлось отступить к стене. У моего плеча он остановился, и я почувствовала запах крови и мяты — старой мяты, из моей лечебницы. Он был там, пока я несл тетрадь.

— Идемте, — сказал он.

Я выпрямила спину, поправила фартук и пошла к лестнице. Эйра осталась в коридоре. Северин шагал рядом, чуть позади, держась за бок. У двери в зал я остановилась.

— Если я сейчас войду и не скажу ни слова, — спросила я тихо, — это будет считаться голосом?

— Это будет считаться присутствием, — ответил он.

Я толкнула дверь. Зал был полон. На меня посмотрели все: Рэйвен Корд, советники, секретарь с моим именем на подносе. Я села на крайнюю скамью, сложила руки на коленях и стала ждать. Северин сел через два места от меня, между мной и Эйрой. Между мной и чужими голосами.

Секретарь поднял голову.

— Совет слушает, — сказал он.
Я молчала.

Глава 3. Чужие духи

Ключ в моей ладони остался холодным, хотя я держала его почти минуту. Тяжелая медь, темная от времени, с насечкой в форме драконьей чешуи на бороздке. Я перевернула его и прочитала бирку, привязанную тонкой бечевкой: «Восточное крыло, покои лекаря». Не «покои хозяйки», не «спальня госпожи», не мое имя. Просто комната, в которую можно положить саквояж и не задавать лишних вопросов.

Я спрятала ключ в карман фартука и пошла по коридору к дому, который еще три года назад считала своим. Плиты под ногами были вытерты до блеска, и я знала, где камень чуть выше, где скользко от натеков с крыши, а где служанки забывают подметать. Пахло кухни, сырым деревом и чужими духами — сладковато, навязчиво, с нотой мускуса. Я узнала этот запах, хотя не хотела.

Нора Пелл ждала меня у лестницы в восточное крыло, сложив руки перед собой, словно прятала что-то. Ее лицо было таким же, как при прощании: ни тепла, ни укора, только усталая привычка быть на своем месте. Она молча указала на дверь в конце коридора, потом на стол возле окна, где лежал свернутый в трубку лист.

— Договор о лечении, — сказала она, и в голосе не было вопроса. — Лорд Морр подписал его час назад. Просил передать, что осмотр завтра утром, в восемь.

Я взяла бумагу, развернула и прочитала, прищурившись на слабом зимнем свете из окна. Короткие строки, написанные твердой рукой, каждое слово стояло на своем месте, как в строю. Мне предлагали должность домашнего целителя, жалованье, кров и стол, доступ в лечебницу замка. Последний пункт, набранный отдельно, бил под дых: «Без письменного разрешения лорда Морра лекарь не имеет права принимать пациентов вне стен замка и выезжать на вызовы в город и деревни». Ни слова о сроке, ни слова о причине, по которой меня вернули, ни слова о том, что будет, если я нарушу хоть одну строчку.

Я положила договор на стол и посмотрела на Нору. Она отвела взгляд первой, но не ушла, а подошла ближе и тихо сказала:

— Лорд Корд настаивал, чтобы договор был подписан до заката. Я задержала посыльного, сколько могла.

Это было больше, чем я заслуживала, и я кивнула ей так же коротко, как она мне.

— Есть еще кое-что, — добавила Нора, понизив голос до шепота. — У лорда новая... гостья. Племянница королевского казначея. Эйра Морр. Приехала вчера с двумя сундуками и собственным поваром. Ее вещи уже стоят в комнате рядом с малой гостиной.

Я почувствовала, как кольцо на безымянном пальце сжалось от холода, хотя комнату я не отапливала. Гостья. Конечно, гостья. Я молча перевела взгляд на дверь, за которой слышались шаги и смех — женский, легкий, уверенный, каким не бывает у просительниц.

Нора вышла, и я осталась одна в комнате, которая пахла лавандой и старым деревом, как пахнет любая гостевая спальня в этом доме, где никогда не жили по-настоящему. Я распаковала саквояж, разложила на столе у окна склянки, бинты, ножи, и села на кровать, которая была слишком широкой для одной меня. За стеной смеялась женщина, и в этом смехе не было ни тени тревоги. Там ждали хозяйку, меня же позвали лечить.

Я достала из саквояжа свою книгу записей, открыла чистую страницу и написала первое: «Утро. Вошла в дом как гостья-должница. Получила ключ, комнату, договор. Долг прежней работы в лавке — сорок два серебряных, аренда за декабрь не внесена. Мира без браслета защиты три дня». Подчеркнула цифру дважды, потом добавила последнее: «Не подписывать, пока не прочитаю мелкий шрифт». Подумала и дописала: «И не дать им понять, что я боюсь».

Стук в дверь был коротким, но уверенным. Я успела убрать книгу в саквояж и встать. На пороге стоял Томас Вейн, управляющий, с подносом, на котором дымились чашка и лежал

ломоть хлеба, намазанный чем-то зеленым. Он не вошел, поставил поднос на табурет у двери и протянул мне небольшой кожаный футляр.

— От лорда Морра, — сказал он ровно. — Просил передать, что ждет вас завтра в восемь в лечебнице. И что... — Томас чуть помедлил, подбирая слова. — Просил не опаздывать.

Я взяла футляр, развернула. Внутри лежал скальпель с рукоятью из темного дерева и тонкой серебряной насечкой у лезвия. Мой скальпель, тот самый, который я забыла в лечебнице в день, когда меня выводили под руки через черный ход. Он вернул его не как подарок, а как инструмент, без которого мне не обойтись. Это было почти честно.

— Спасибо, — сказала я и поставила футляр на стол.

Томас кивнул, повернулся и пошел по коридору, а я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Хлеб пах тмином, и я вдруг поняла, что не ела с утра. За стеной снова раздался смех Эйры, и я сжала рукоять скальпеля так, что побелели костяшки. Завтра в восемь я должна быть в лечебнице, иначе меня выставят за порог как нерадивую должницу, и тогда браслет Миры снимут навсегда. Я должна была вылечить человека, который три года назад выгнал меня через кухню, и сделать это так, чтобы он не заметил, как у меня дрожат руки.

Ключ вошел в замок с третьей попытки — механизм заело, и я слышала, как внутри скрежещет ржавчина. Я вытащила его, подышала на латунь, подержала у груди и попробовала снова. На этот раз замок щелкнул, и дверь в мою комнату открылась с таким стоном, будто дом не хотел меня впускать.

Внутри пахло пылью и мятой — мятой, потому что кто-то предусмотрительно положил на подоконник пучок сушеной травы. Маленькая вежливость, от которой стало только хуже: кто-то знал, что меня поселят именно сюда, и решил смягчить первое впечатление. Я переступила порог и оставила саквояж у двери, не развязывая ремни. Сначала осмотр, потом вещи — это правило я выучила еще в лечебной школе, когда нас отправляли к незнакомым больным.

Комната была узкой, с одним окном на север и низким потолком, перечеркнутым потемневшей балкой. Кровать у стены, стол под окном, табурет, узкий шкаф без зеркала, умывальник с треснувшим кувшином. На крюке у двери висело чистое, но явно чужое полотенце, сложенное так, как складывают в чужих домах — для гостей, не для своих. На столе лежал тот самый лист, о котором говорила Нора. Я взяла его и подошла ближе к окну, где скупое зимнее солнце. Почерк я узнала: Северин писал сам, не доверяя секретарю.

«Договор о лечении лорда Северина Морра домашним целителем Ливеей Арден». Никаких «бывшей жены», никаких «гостей». Срок — пока горит печать клятвы, жалованье — серебром в конце каждой седмицы, стол и кров — в счет жалованья, право входа в лечебницу замка без стука, право пользоваться запасами аптеки под отчет. Ни слова о том, что будет, если я нарушу хоть одну строчку. Ни слова о том, что меня впустили не лечить, а держать.

Я перевернула лист. На обороте тем же почерком, но мельче: «Без письменного разрешения лорда Морра лекарь не принимает пациентов вне стен замка, не выезжает на вызовы в город и деревни». Последний пункт был подчеркнут дважды. Я поняла, зачем: лечебная школа, в которой я числилась третьей по успеваемости, привязана к гильдии, а гильдия получает процент с каждого вызова. Меня не просто запирали в этих стенах. Меня отрезали от денег, чтобы я не могла оплатить долг за лавку и была вынуждена остаться. Красиво. Почти по-деловому.

Я положила договор на стол и достала из саквояжа свою книгу записей. Открыла чистую страницу и написала:

«Договор. Чистый месячный оклад, стол и кров за вычетом. Печать клятвы горит — значит, срок не указан и не может быть указан. Запрет на вызовы — отрезают от гильдейского процента. Моя лавка: долг сорок два серебряных, аренда за декабрь не внесена, ученица Рина ждет ответа до субботы. Мира без браслета третий день».

Подчеркнула последнюю строку. Подумала и дописала: «Если подпишу — потеряю ученицу. Если не подпишу — потеряю Миру. Значит, подпишу, но выторгую право на один вызов

в седмицу для деревни». Я знала, что это слабое место: гильдия требует отчетности, но гильдия подчиняется не мне. Подчиняется совету, а совет — Рэйвену Корду, который наверняка уже договорился с гильдейскими, чтобы мою практику заморозили на время клятвы. Значит, торговаться надо не с гильдией, а с тем, кто отдал приказ.

Стук в дверь был сухим, деловым, без паузы. Я успела убрать книгу под подушку и встать. На пороге стоял Томас Вейн с подносом, на котором дымились чашка и лежал ломоть хлеба, намазанный чем-то зеленым — похоже, масло с травами. Он не вошел, поставил поднос на табурет у двери и протянул мне небольшой кожаный футляр, перевязанный бечевкой.

— От лорда Морра, — сказал он ровно, не глядя мне в глаза. — Просил передать, что ждет завтра в восемь в лечебнице. И что просил не опаздывать.

Я взяла футляр, развязала бечевку и открыла. Внутри лежал мой скальпель — тот самый, с рукоятью из темного дерева и серебряной насечкой у лезвия. Я оставила его в операционной в день, когда меня выводили под руки через черный ход, и три года считала потерянным. Он вернул его не как подарок, а как инструмент, без которого мне не обойтись. Это было почти честно.

— Спасибо, — сказала я и поставила футляр на стол.

Томас кивнул, повернулся и пошел по коридору, не оглядываясь. Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Хлеб пах тмином и подгоревшим маслом, и я вдруг поняла, что не ела с утра. За стеной раздался смех — женский, легкий, уверенный, каким не бывает у просительниц. Эйра. Я сжала рукоять скальпеля так, что побелели костяшки, и напредила себе: она гостя, такая же, как я. У нее нет голоса в совете, нет доступа в мою комнату без стука, нет права приказывать слугам женской половины. У нее только сундуки и собственный повар, а у меня — скальпель и долг, который надо отдать.

Я села на кровать, развернула договор и положила его на колени. За окном медленно падал первый снег, и в коридоре слышались шаги — тяжелые, мужские, слишком размеренные для слуги. Шаги остановились у моей двери, и я почувствовала, как кольцо на безымянном пальце сжалось от холода, хотя в комнате было тепло. Я знала, кто стоит по ту сторону. Я не встала.

Тишина за дверью длилась ровно три удара сердца, потом раздался стук — два коротких, один длинный. Код, который знали в этом доме только двое. Я не двинулась с места. Стук повторился, и тогда я услышала его голос — глухой, через дерево:

— Ливея.

Не «Арден», не «целитель», не «гостя». По имени, как тогда, когда подписывал брачный договор и не смотрел мне в глаза. Я положила ладонь на рукоять скальпеля и встала. Не потому что хотела открыть, а потому что в этом доме не открывать дверь лорду — повод для выговора от совета.

Замок был новый, чужой. Мои пальцы дрожали — не от страха, от злости. Я потянула створку на себя и увидела его в коридорном полумраке: без мундира, в простой серой рубахе с расстегнутым воротом, волосы мокрые после ванны. Пахло можжевельником, которым здесь окуривают купальни, и чуть-чуть — мной, потому что он только что натирал плечо моей мазью, которую принес Нора.

— Договор на столе, — сказала я, не отступая и не приглашая. — Прочитай прежде, чем входить.

Он не посмотрел на стол. Он смотрел на мои руки, на побелевшие костяшки пальцев, и я разжала их — медленно, демонстративно, потому что не собиралась показывать ему слабость даже такой мелочью.

— Я не за договором, — сказал он тихо. — Я за скальпелем. Ты забыла его продезинфицировать.

Это было вранье. Футляр стоял на столе, скальпель внутри, и я точно знала, что протираала его спиртом еще в лавке. Но я поняла, что он ищет повод стоять у моего порога, и от этого стало так горько, что я почти засмеялась.

— Войди, — сказала я и отошла к столу, давая ему дорогу. — Раз уж пришел.

Он переступил порог, и комната сразу стала меньше. Потолок низкий, он был выше меня на полголовы, и его плечо почти задело косяк. Я села на табурет и положила договор между нами — как щит, как разменную монету, как доказательство, что я в этой комнате по бумаге, а не по его желанию.

— Пункт четвертый, — сказала я, ткнув пальцем в строчку. — «Без письменного разрешения лорда Морра лекарь не принимает пациентов вне стен замка». Ты отрезаешь меня от гильдейского процента.

— Я отрезаю тебя от соблазна нарушить контракт, — ответил он, не моргнув.

— У меня нет соблазна. У меня долг за лавку и сестра без браслета.

Он подошел ближе. Я почувствовала тепло его тела и запах мази — моей мази, которую он сам себе втер перед тем, как прийти. Это было почти смешно и почти больно. Он знал, что я это узнаю.

— Подпиши, — сказал он, — и я разрешу один вызов в седмицу. В деревню. Для детей, у которых нет другого лекаря.

Я смотрела на него снизу вверх. Табурет был низкий, он стоял, и это была та самая позиция, в которой меня три года назад выводили под руки из большого зала — низко, с задраным подбородком, чтобы совет видел мои слезы. Я встала. Резко, одним движением, так что он отступил на полшага.

— Не так, — сказала я. — Не как милость. Как право. Запиши это в договор, поставь печать и пришли мне завтра утром. Иначе я не выйду из этой комнаты даже в лечебницу.

Он смотрел на меня долго, и я видела, как дергается желвак на его скуле. Потом он протянул руку, не ко мне — к договору, и перевернул лист. Взял с моего стола огрызок карандаша, которым я писала утром расход, и вписал внизу, криво, по-деловому: «Право одного вызова в седмицу за пределы замка без дополнительного разрешения». Подписал. Подпись была неразборчивая, но я узнала в ней ту же, что стояла под брачным контрактом, — только рука дрожала чуть сильнее.

— Довольно? — спросил он, не глядя на меня.

— Довольно, — ответила я и взяла лист. — Теперь ужин. А завтра в восемь я буду в лечебнице. И это прозвучало почти как свобода.

Я замерла у двери, прижимая к груди подписанный договор, и прислушалась. В коридоре было тихо, только потрескивали факелы в старых кольцах и где-то далеко, в кухне, звякнуло ведро. Подпись Северина еще хранила тепло его руки, и я чувствовала ее через бумагу, как чужой пульс. Право одного вызова в седмицу. Не милость, не подачка, а строка в договоре, которую можно показать гильдии, если совет начнет давить.

Я сложила лист вдвое, потом вчетверо и спрятала за пазуху, под шерстяное платье, где бумага легла на кожу холодным прямоугольником. За окном падал снег, и я видела, как он ложится на каменный выступ, загораживавший окно лечебницы. Завтра в восемь. Завтра я снова буду резать, перевязывать, говорить людям правду о их ранах. Завтра в этом доме появится запах спирта и сушеных трав вместо духов Эйры и масленичной вони кухни.

Нора Пелл заглянула в комнату без стука, как делала всегда, и поставила на табурет у двери медный кувшин с горячей водой. Полотенце она повесила на спинку стула — чистое, грубого полотна, каким здесь пользовались слуги, а не гости. Жест почти извиняющийся: я помню, кто ты, хотя все забывают.

— Завтра в шесть утра придет кухарка за отваром для стражников, — сказала Нора, глядя не на меня, а на свои руки. — Лорд распорядился. Я сказала, что вы уже у себя.

Я кивнула, не зная, как благодарить за то, что меня не забыли предупредить о чужом расписании в моей же комнате. Нора вышла, притворив дверь плотнее, чем надо, и я услышала, как она задержалась в коридоре — не подслушивать, а просто выдохнуть. Женщина, которая три года притворялась, что меня здесь нет, теперь выдыхала, стоя у моей двери. Я не была ей за это благодарна. Я была ей должна.

В камине треснуло полено, и я вздрогнула. Чай на подносе остыл, но я все равно налила себе полную чашку — густую, горькую, с привкусом железа. В этом доме так заваривали все. Я смочила палец и провела им по подписке Северина. Чернила уже подсохли, но линия была ровной — он не торопился, когда писал. Он торопился, когда отступал от меня на полшага, когда я встала с табурета. Этого я не забуду.

За стеной снова раздался женский смех — Эйра с кем-то из служанок, слишком громко для ночи. Я подошла к окну и увидела, как внизу, во дворе, двое стражников тащат к конюшне брезентовый тюк. Снег ложился на их плечи, и они работали молча, привычно. Лошадь всхрапнула, ударила копытом о мерзлую землю, и этот звук прокатился по двору, как камень по жестяному желобу.

Я вернулась к столу, достала из сумки тетрадь и начала считать. Аренда лавки за этот месяц — восемнадцать медяков. Утренний настой мяты для Миры — четыре. Нитки, чтобы зашить чехол на скальпель — один. Долг за крупу, которую я не покупала, но которую ела сестра, — три. Итого двадцать шесть медяков расхода, которые я не отдам, пока не вернусь к приходу. Я зачеркнула строку и подписала рядом: «отложено до конца недели». Почерк вышел злой, и я переписала аккуратнее.

В дверь снова постучали — тихо, один раз. Я ждала Томаса с ужином, но голос за дверью оказался не его.

Я проснулась от того, что в коридоре кто-то уронил медный таз. Звон ударил по виску, я села, прижимая к груди подписанный договор, который так и не выпустила из рук ночью. Бумага за ночь стала мягкой, почти тряпичной, и я разгладила ее на колене, проверяя, не стерлась ли подпись Северина. Чернила держались. Строка о праве одного вызова в седмицу лежала ровно, без клякс, и я впервые за две недели выдохнула так, что плечи опустились.

За окном было еще темно, но печь в лечебнице уже дымила. Я видела тонкую струю из трубы башни и сразу поняла: Томас Вейн не стал ждать моего приказа. Он растопил печь сам, потому что знал, что я приду. Я натянула вчерашнее платье, сунула ноги в башмаки с не завязанным левым ремешком и пошла через восточное крыло, мимо комнаты Эйры. Дверь была приоткрыта, и я услышала, как там, внутри, шуршит бумага. Переписка, которую мне не покажут. Я не остановилась.

В лечебнице пахло можжевельником и старой смолой. Томас стоял у печи, спиной ко мне, и держал в руках мою сумку с инструментами, которую я оставила вчера на лавке у двери. Он не обернулся, только сказал:

— Кухарка придет в шесть. Отвар для стражников я уже поставил. Вода для перевязки горячая.

Я поставила договор на стол, под чернильницу, чтобы не скрутило ветром, и подошла к печи. Котел уже висел на крюке, и отвар внутри был мой, тот самый, которому я учила кухарку третьего дня: кора дуба, шалфей, щепотка полыни. Томас запомнил пропорцию. Он всегда запоминал.

— Ты мог бы попросить прибавку к жалованью за эту работу, — сказала я, закатывая рукава.

— Я попросил право не ходить к Эйре с отчетами по утрам, — ответил он, не оборачиваясь. — Она считает, сколько раз я поднимаюсь в башню.

Я замерла с полотенцем в руках. Эйра считает. Значит, к обеду она будет знать, что я в лечебнице до рассвета, что договор уже у меня, что Томас мне помогает. Я положила поло-

тенце на лавку и достала из сумки чистые бинты. Пальцы были холодные, и я разминала их, перебирая ткань.

— Если она начнет давить через совет, — сказала я, — ты скажешь правду. Что я здесь с пяти утра и что печь топил ты.

— Я скажу правду, — повторил он. — Я всегда говорю правду. Поэтому Эйра и не любит, когда я захожу в башню.

Он вышел, прикрыв дверь, и я осталась одна. Отвар закипал, и я сняла его с огня, процедила в глиняный кувшин и поставила остужать на подоконник. В кувшине плавали щепки коры, и я выловила их пальцами, чтобы отвар был чистым. Кожа на руках стянуло от горячего пара, и я подумала, что надо бы попросить Нору принести мазь, но не попрошу. Пока я прошу слишком мало, меня держат за гостью. Как только начну просить слишком много, сделают прислугой. Я вытерла руки о передник и села за стол переписывать договор начисто.

Чернила в чернильнице загустели за ночь, я развела их водой, добавила каплю уксуса, чтобы не свернулись, и обмакнула перо. Первый лист пошел на копию для гильдии: без права выезда, без печати совета, только моя подпись и подпись Северина, и пометка на полях — «для предъявления в случае спора об ограничении практики». Второй лист я оставила себе, третий понесу в лавку, когда получу разрешение. Если получу.

В дверь постучали. Я ждала кухарку, но голос за дверью был другой, низкий, с хрипотцой.

— Ливея, — сказал Северин, — открой.

Я не двинулась с места. Перо в руке все еще капало, и я поставила его на подставку, чтобы не залить стол.

— Я раздену плечо сам, — добавил он тише. — Перевяжи. Это по контракту.

— По контракту я обязана лечить, — ответила я, — а не открывать дверь в шестом часу утра. Положи рубашку на лавку у порога и подожди в коридоре.

Тишина. Потом шорох ткани, и на лавку легла его рубашка — темная, с прилипшей к вороту коркой засохшей крови. Я услышала его шаги по камню, медленные, с тяжестью на левую ногу, и поняла, что рана снова открылась. Он не стал бы приходить из-за царапины.

— Ливея, — сказала Эйра, и я услышала, как она переступила с ноги на ногу, не решаясь войти без приглашения. — Можно?

— Нет, — ответила я. — Завтра.

Тишина. Потом шорох юбки, удаляющийся по коридору. Я заперла дверь на ключ, положила его под подушку и легла, не раздеваясь. Чай в чашке превратился в темную лужицу, и я смотрела на нее, пока не заснула.

Глава 4. Общий обед

Сукровица на бинте потемнела ровной полосой, и я поняла: рана не от меча и не от сучка. Такие порезы оставляет тонкий клинок, когда идет сверху вниз и человек не дергается. Я размотала бинт до локтя, убрала тампон, промокнула чистой тканью. Кожа вокруг пореза была красной, но ровной, без рваных краев, без песка и грязи, которые таскает на себе тренировочная площадка. Чужой клинок. Утренний. Почти аккуратный.

Рука Северина лежала на чистой холстине, пальцы расслаблены. Он сидел на табурете в моей лечебнице в башне, где еще пахло вчерашним отваром и дымом, и смотрел в стену. Под рубашкой, снятой с плеча, проступала полоса старых шрамов, но этот был свежим, наложенным поверх моих записей трехдневной давности. Я вела этот шов сама, помнила каждый стежок. Сейчас он треснул ровно посередине, словно кто-то специально сорвал повязку и приложил новый, чистый порез сверху. Не от боя. От намерения.

В дверь постучали дважды, сухо, по-деловому, и вошла Нора Пелл с подносом. На подносе стояли две чашки, горячий хлеб и маленькая плошка меда. Экономка поставила поднос на край стола, не глядя ни на локоть Северина, ни на мои руки в крови, ни на бинты, и вышла, прикрыв створку. Я знала этот ритуал: когда при лорде, подают две чашки, а не одну. Подают как жене. Или как гостье, которую род еще не решил, кем считать.

Северин подвинул ко мне чашку. Я не взяла. Он тоже не настаивал. Между нами встало молчание, тяжелое и плотное, пахнущее железом и мятой. Потом он заговорил, и голос был тем же, что ночью в аптеке, когда я отказалась открывать дверь, низким, ровным, без команды.

— Арден, мне нужна перевязка.

— Я вижу.

— По контракту.

— Я читала то, что вы подписали.

Он поднял взгляд. Под глазами лежала тень, которая не смывалась даже холодной водой. На виске, у самой кромки волос, белел свежий порез, тонкий, как царапина от пера. Я занесла его в память рядом с основной раной. На нем кровь уже запеклась, видно, утром прижигали.

— Условия лорда Морра, — продолжила я, не отрываясь от его локтя, — запрещают исцелять других членов рода без отдельной подписи. Подпись есть?

— Нет.

— Тогда что я делаю, когда лечу не вас, а кого-то из стражи?

— Это ваше время, Арден.

— Платите за мою работу из своих денег?

— Да.

Я промокнула рану снова, сменила тампон. Порез был почти стерильным. Кто-то обработал его перед тем, как привести лорда ко мне: спирт, может быть, немного масла. Не сам Северин. Кто-то из его окружения знал, что рана будет осмотрена, и хотел, чтобы она выглядела чище, чем была. Этот кто-то не хотел, чтобы я видела рваные края или грязь, которые сказали бы больше, чем любой разговор. Я положила чистую холстину, отмерила мазь из зверобоя на кончике лопатки, нанесла ровным слоем. Он не дернулся. Никогда не дергался.

— Вчера ночью, — сказала я, — вы приходили в аптеку. В шестом часу. Я не открыла.

— Я помню.

— Почему вы стучали кодом, которому вас никто не учил?

Его пальцы на холстине чуть дрогнули, почти незаметно, но я вела счет мышцам под кожей каждый раз, когда он сидел передо мной. Это была не дрожь от боли.

— Потому что дверь была заперта на ключ, — ответил он. — И я знал, что вы не откроете, если я просто постучу.

— Вы знаете код моей лечебницы.

— Я знал его три года назад, когда вы здесь работали.

— Сейчас это другой дом.

— Да. Другой.

Я затянула бинт. Он смотрел на мои руки, и я впервые за утро поймала на себе чужое внимание. Не смотрел, как лорд на гостью. Смотрел, как мужчина, который помнит эти руки на своей коже иначе, чем через повязку. Я отступила на полшага, сняла перчатки, положила в таз с водой. Перчатки были тонкие, кожа набухла от пота, и на левой ладони остался след от его локтя, который не видел никто кроме меня.

— Через два дня повязку смените у Дарена Кесселя, — сказала я. — Я укажу в реестре.

— Нет.

— Контракт обязывает вас лечиться у меня, а не у другого целителя.

— Контракт обязывает меня лечиться у вас лично. Я выбираю вас лично.

Я подняла глаза. Он не отвел взгляда, и впервые за это утро я увидела в его лице не лорда и не мужа, а человека, который понимает, что сидит в моей лечебнице под моей властью, и принял это. Я почувствовала, как щекам стало горячо, и отвернулась к столу, чтобы записать дату, повязку, мазь и заодно пометить себе на полях тетради свежий шрам на виске. Слишком ровный для случайного. Слишком тонкий. Кто-то режет его нарочно, и он мне это позволяет.

Я закрыла реестр, надела чистые перчатки и подала ему рубашку. Он взял сам, без помощи, натянул через голову. Рубашка пахла кровью и чужими духами, горькими, сладковатыми, незнакомыми. Я узнала этот запах. Ина Сторм продавала такие духи прачке Морр-Холла, а прачка относил их наверх вместе с постельным бельем. Кто-то из его окружения носил эти духи на руках, и кто-то из его окружения провел лезвием по его виску и локтю. Я не сказала ни слова. Просто записала в графе примечание: «Духи посторонние, источник выяснить».

Он встал, и между нами снова стало три шага. Я не подошла ближе.

— Где Томас Вейн? — спросила я.

— В кухне.

— Пусть поднимется. Мне нужен новый реестр трав на эту седмицу.

— Я пришлю.

— И пусть принесет чистую воду. В тазу вчерашняя.

Он кивнул и вышел. Дверь закрылась без стука. Я осталась одна, с бинтами, чашкой остывшего чая и записью, которую теперь должен был увидеть Дарен Кессель, когда придет за старыми журналами. Пусть видит. Пусть считает. Я вымыла руки, сняла испачканный фартук и пошла к двери. У порога, на лавке, где Северин оставил рубашку, я увидела, что холст на его плече промок насквозь. Кровь шла не из старой раны. Из новой. Он ушел, не сказав ни слова. Я замерла, глядя на пятно, и поняла: он не дал мне перевязать новый порез нарочно. Чтобы я увидела его сама. Чтобы я сама решила, хочу ли я снова его лечить.

Лопатка со старой мазью лежала на краю стола и пахла прогорклым маслом. Я смыла ее в таз, потом перемыла руки во второй раз, потому что первый был слишком быстрым. Между пальцами еще стоял запах его крови, меди и того сладковатого облака, которое я узнала прежде имени. Я знала, чьи это духи. Знала, кому их возят в прачечной. И точно знала, что Эйра Морр не появлялась в замке с вечера, а рубашка Северина уже была насквозь ими пропитана.

Я повесила чистый фартук на крюк у двери и спустилась в аптеку. По лестнице пахло сырой штукатуркой и остывшим дымом. В подвальной комнате горел один фонарь, на столе лежал вчерашний реестр с моими записями, и рядом стоял поднос с двумя чашками, которые никто не убрал. Одна была пустой. Вторая - с чаем, который я так и не тронула. Нора Пелл убирала за лордом, но не за мной. Эта мелочь царапнула сильнее, чем сам порез. Я убрала поднос на нижнюю полку, к ящику с сухой мятой.

Теперь нужно было записать новый шрам и посторонние духи, прежде чем придет Дарен Кессель. Я открыла реестр на чистой странице, обмакнула перо, поставила дату. Левый локоть, шов треснул, наложен поверх моих стежков трехдневной давности. Кость не задета, кромка чистая. Порез не похож на бой или спарринг: слишком ровный край, слишком одинаковая глубина. Так режут, когда хотят, чтобы кровь пошла, а рука работала. Это не ранение. Это плата за что-то. Я не знаю за что.

В примечании я добавила: «Духи на рубашке чужие. Источник выяснить. При необходимости - запросить у Норы Пелл список белья, которое отдают в прачечную с верхней половины». Почерк был мелкий, ровный, без наклона, чтобы никто не разобрал моих настоящих мыслей. Ина Сторм продавала такие духи только одной семье в округе, и я видела эту склянку на полке прачечной в Морр-Холле три года назад. Ею пользовалась Эйра Морр, когда приезжала к моей свекрови с подарками и чаем. Тогда я еще была женой. Теперь я гостья, и она носит моего бывшего мужа на воротнике.

Шаги на лестнице. Не Томас Вейн, тот ходит тяжело, по-хозяйски, в двери не стучит. Этот шаг был легкий, каблук по камню, и я уже знала, кто именно входит, прежде чем раздался стук.

- Целительница, - сказала Эйра Морр с порога, - у вас минута?

- Нет.

- Я бы хотела поговорить о лорде.

- Реестр открыт. Присылайте Дарена Кесселя с запросом, он впишет.

Она вошла без приглашения. Я повернулась к ней не сразу, сначала закрыла реестр и положила перо в выемку на крышке чернильницы. Потом подняла глаза. На ней было серое платье с узкой горловиной, волосы собраны под черной лентой, в руках она держала тонкий кружевной платок, который я видела на столе у Северина три года назад. Платок был мужа. Не бывшего мужа. Того, другого, который носит род Морр и теперь спал в этом замке на простынях, пахнувших ее духами.

- У лорда снова порез, - сказала Эйра. - Он сам не понимает, что тело не казенное, а вы ему потакаете.

- Я не потакаю. Я веду реестр.

- И что пишете, позвольте?

Я не ответила. Она шагнула ближе, и я увидела на ее шее тонкий след от цепочки, которую обычно прячут под воротник. Сегодня цепочки не было. Значит, утром Северин видел это ожерелье на ее коже. Значит, она вышла из его комнаты до рассвета.

- Зачем вы здесь, Эйра?

- Хочу знать, что вы пишете в реестре.

- Реестр для дома. Не для вас.

- Я невеста этого дома.

- Вы гостья рода. Как и я. У вас нет права голоса в совете.

Кровь бросилась ей в лицо, но голос остался ровным. Она привыкла держать лицо. Она привыкла держать чужое лицо вместо своего мужа, и я видела это по тому, как она подняла подбородок и прижала платок к груди. Платок пах его кроватью, не моей лечебницей.

- Будьте осторожны с записями, - сказала она. - Рэйвен Корд проверяет реестр раз в седмицу. Любая неточность может стоить вам практики.

- Моя практика вне вашей юрисдикции.

- Пока вы в этом доме, в юрисдикции совета.

- Тогда я попрошу Рэйвена Корда самого проверить, что я вписала.

Она отступила на шаг, развернулась и вышла, не попрощавшись. Каблуки простучали по лестнице, и дверь осталась открытой. Я слышала, как она спросила у кого-то в коридоре, где сейчас Томас Вейн, и ей ответили, что он на кухне с проверкой муки.

Я закрыла дверь на ключ, повернула его дважды. Реестр лежал на столе, и я знала, что в графе «посторонние духи» стоит запись, которую теперь нужно либо зачеркнуть, либо показать совету. Если зачеркну - Эйра решит, что я трушу. Если покажу - совет потребует источник, а источник поведет в спальню, в которой я не была три года.

На лестнице снова затопали. Тяжело, по-хозяйски, без стука. Томас Вейн вошел, посмотрел на закрытый реестр, на мои руки без перчаток, на пустой поднос на полке и молча поставил на стол новый мешочек сушеного зверобоя и связку чистой марли. Потом сказал:

- Вам воды принести?

- Принесите. И список белья, которое отдают в прачечную с верхней половины. Только сегодняшнего.

Он чуть дрогнул щекой, не ответил и вышел. Я слышала, как он спускается по лестнице и как половица на третьей ступени скрипит под его ногой громче обычного. Я открыла реестр, дописала под записью о духах маленькую сноску: «Запрос Т. Вейну о прачечной подан». Закрыла книгу, надела чистые перчатки. Через час должен прийти Дарен Кессель за старыми журналами. Пусть увидит, что я веду записи честно. Пусть потом объясняет совету, почему это он их не вел.

Томас Вейн вернулся через четверть часа с кувшином и мятым листком, на котором кто-то клеркским почерком выписал номера рубашек. Я развернула лист на столе, придавив углы чернильницей и куском мыла, и прошлась глазами по столбцу. Семь мужских сорочек из верхней половины, три из них с инициалами С.М., остальные без меток. Рядом, на отдельной строке, короткая приписка от Томаса: «Постельное из спальни лорда меняли вчера после обеда. До этого - третьего дня».

Я перечитала строку дважды. Третьего дня меня вызвали в лечебницу для первой перевязки. Значит, между нашей первой ночью под одним контрактом и вчерашним обедом кто-то менял ему белье и не вписал это в журнал прачечной. Это могла быть Эйра, у которой есть ключ от половины дома. Это мог быть сам Северин, если не хотел чужого глаза. Это мог быть Томас Вейн, если ему приказали молчать.

- Кто менял белье, Томас?

Он стоял у двери, не садился, руки за спиной, как на рапорте.

- Не знаю. Прачечная числится за Норой Пелл.

- Нора Пелл не выходила из женской половины вчера после обеда.

- Тогда не знаю.

Он не врал. Томас Вейн не умел врать вслух, он умел молчать, и я видела эту разницу по тому, как он перенес вес с одной ноги на другую. Я сложила листок пополам и спрятала в нагрудный карман фартука, поверх записи о прачечной.

- Если узнаете, кто менял, запишите сами. Мне нужно ваше имя, не слухи.

Он кивнул и ушел, и дверь закрылась за ним плотно, без щелчка. Я осталась одна в аптеке, запах зверобоя и холодной воды поднимался от стола, реестр лежал передо мной открытый на странице с записью о посторонних духах. Теперь у меня было два доказательства в одном кармане: номер сорочки без инициалов, которую отдали в стирку с чужой половины, и дата смены постельного, которая не сходилась с журналом прачечной.

Мне нужно было показать эти бумаги не совету. Совету я их показывать не имела права, у меня нет голоса. Мне нужно было показать их Дарену Кесселю, чтобы он вписал их в свой журнал, пока совет не потребовал реестр на проверку. Дарен придет через сорок минут за старыми журналами. Я должна успеть сварить ему чай и положить бумаги на видное место под предлогом, что прошу завизировать запись о духах.

Я сняла фартук, повесила на крюк, поставила чайник на жаровню. Пока вода грелась, открыла нижний ящик и достала тетрадь прежней аптекарши, ту самую, с записью о подмене рецепта номер семь по приказу Р. Корда. Я не собиралась ее показывать. Я хотела убедиться,

что она лежит там же, где я ее оставила, под слоем сухого пустырника. Она лежала. Я положила сверху еще пучок мяты и закрыла ящик. Если кто-то рылся в моих вещах, я узнаю это по тому, как мята будет пахнуть на пальцах, а не в ящике.

Шум на лестнице я слышала раньше, чем стук в дверь. Шаги были ровные, не тяжелые и не легкие, каблуки глухо били по камню, и между ними была короткая пауза - так ступают люди, которые привыкли останавливаться у чужих дверей и считать до трех. Я узнала эту паузу. Я выключила жаровню, вытерла руки о полотенце и пошла открывать.

Северин Морр стоял на пороге без мундира, в серой рубаше с расстегнутым воротом, и левый рукав был закатан выше локтя. На предплечье белела свежая повязка, моя, утренняя, и под ней проступало бурое пятно. Рубашка пахла его кожей, дымом и теми самыми сладкими духами, от которых у меня уже горело в горле.

- Запись в реестре, - сказал он. - Я хочу знать, что вы вписали в графу «посторонние духи».

Я посмотрела на повязку, на его лицо, на дверной проем за его спиной. Коридор был пуст. Эйра могла стоять за углом, могла не стоять. Северин вошел без приглашения, и я отступила на полшага, ровно на ту дистанцию, которая у нас теперь была между его кровью и моими руками.

- Графа закрыта для посторонних, - сказала я. - Если лорд хочет ознакомиться с реестром, пусть подаст запрос через Дарена Кесселя.

- Я не посторонний. Я - предмет записи.

- В таком случае предмет записи получит выписку после визы домашнего целителя.

Он молчал, и я видела, как его пальцы сжались у закатанного рукава. Он не сделал шага. Я не сделала шага. Между нами стоял стол, на столе лежал мятый листок из прачечной, и я машинально прикрыла его локтем, а потом убрала локоть, потому что он заметил движение и его глаза скользнули по моей руке к карману фартука.

- Вы вели запись о духах, - сказал он тише. - Это правда.

- Я веду реестр по контракту. Каждый осмотр, каждое повреждение, каждую смену белья.

- Смену белья?

- Белье менялось вчера. В журнале прачечной записи нет. Это нарушение регламента дома. Не моего, вашего.

Он побледнел. Не от злости - от понимания. Он понял, что я не обвиняю его в чужой рубашке. Я обвиняю его дом в беспорядке, и это бьет больнее, потому что за беспорядком стоит чья-то чужая рука у его постели, а он об этом не знал.

- Кто менял белье? - спросил он.

- Не знаю. Я только что получила ответ из прачечной. Если хотите проверить вместе - я открою реестр после того, как вы поставите подпись под запросом.

- Ливея.

- Ливея Арден. По фамилии. Так будет правильно.

Он смотрел на меня, и я видела в его глазах ту самую растерянность, которую не умеет прятать мужчина, привыкший приказывать. Он не мог приказать мне открыть реестр, потому что контракт это запрещал. Он не мог попросить, потому что просьба - это признание, что у него нет власти надо мной в этом доме, кроме медицинской. Он стоял на пороге моей лечебницы и впервые за три года не знал, какое слово подобрать.

- Ливея Арден, - сказал он наконец. - Я прошу вас открыть реестр.

- Прошение принято. Запрос в письменной форме. До конца дня.

Я закрыла дверь перед его лицом, не сильно, без хлопка, просто повернула ключ и отошла к столу. За стеной я слышала, как он постоял еще секунду, как скрипнула половица под его ногой, как он ушел по коридору в сторону лестницы, не в сторону спальни. В кармане у меня лежал мятый лист из прачечной, на столе стыл чайник, а на повязке у него проступало бурое

пятно, которое я теперь знала точно - не от спарринга, не от боя, от чего-то другого, о чем он пока не готов говорить вслух.

Я села за стол, открыла чистую страницу реестра и вписала ровным почерком: «Запрос лорда С. Морра на ознакомление с реестром подан устно, получен отказ в устной форме. Рекомендовано подать в письменной форме до закрытия аптеки». Под записью я поставила дату, инициалы и стрелку вниз, к примечанию о прачечной. Два факта легли рядом. Теперь совету придется объяснять, почему в журнале дома дыра, а у бывшей жены лорда в реестре - ответ.

К обеду стол в лечебнице уже не пах ни мятой, ни зверобоем, только остывшим чаем и тем железом, которое остается в воздухе после долгой работы рук. Я сидела над реестром, перечитывала собственную запись о запросе лорда и думала о том, как странно звучит слово «лорд», когда под ним стоит подпись человека, который полчаса назад не мог подобрать слова у порога.

В дверь постучали дважды, коротко и сухо, без паузы. Так стучит человек, который имеет право входить, но помнит, что сейчас это право под вопросом. Я не успела ответить, как дверь открылась, и на пороге стоял Дарен Кессель в домашнем сюртуке, с кожаной папкой под мышкой и тем выражением профессиональной вежливости, за которой он прячет глаза, когда приходит не за журналами.

- Ливея Арден, - сказал он, и по тому, как он выделил фамилию, я поняла, что он уже знает. Не про мой контракт, про утренний визит лорда в лечебницу, про то, что я заперла дверь. В этом доме слухи летят быстрее, чем стража записывает. - Я пришел за старыми журналами аптеки, как мы договаривались.

- Журналы в верхнем шкафу, слева, - сказала я ровно. - Сто один и сто два за прошлый год. Я их не трогала.

Он кивнул, положил папку на край стола и пошел к шкафу. Я не смотрела на него, я смотрела на папку. Она лежала чуть ближе к моему локтю, чем к его руке, и уголок кожи был отогнут, будто он открывал ее уже здесь, в коридоре, чтобы проверить, что внутри. Я не стала делать вид, что не заметила. Я подвинула чайник ближе к папке, накрыла ее крышкой и сказала:

- Чайник горячий. Можете налить, если хотите.

Он обернулся с двумя серыми тетрадами в руках и посмотрел на чайник, на папку, на меня. Я видела, как он прикидывает расстояние. Потом он поставил тетради на стол, налил себе чаю, сел на табурет и впервые за все утро посмотрел мне в глаза прямо.

- Ливея, - сказал он тише, и я заметила, что фамилию он уже не выделяет. - Вчера вечером Эйра Морр справлялась у меня, есть ли у домашнего целителя право визировать записи лечебницы.

- И что вы ответили?

- Что право есть, если речь идет о проверке регламента дома. Не о личных записях.

- Это правда, - сказала я. - Или половина правды.

Он отпил чай, и я видела, как он старается не морщиться. Чай был горький, я не положила мед, потому что мед в этом доме теперь значит слишком много.

- Я не буду визировать ваш реестр, Ливея, - сказал он наконец. - Я не буду ставить печать под записью о духах, потому что совет спросит меня, на каком основании. А основания у меня нет, кроме вашего слова. Ваше слово сейчас стоит меньше, чем слово любой замужней женщины рода. Вы это знаете.

- Знаю, - сказала я. - Поэтому я прошу вас не визировать. Я прошу вас посмотреть на дату смены белья в журнале прачечной и сказать мне вслух, видите ли вы там дыру.

Он молчал, и я видела, как его пальцы на чашке сжались чуть крепче, чем нужно. Это была не злость. Это был страх человека, который понимает, что его просят быть свидетелем, а не покровителем.

- Если я это скажу вслух, - произнес он медленно, - вы используете это против совета. Против Рэйвена Корда. Возможно, против Эйры.

- Я использую это против дыры в журнале, - ответила я. - Не против людей. Люди сами решат, на чьей они стороне.

Он поставил чашку, и я заметила, что ободок у нее треснул ровно напротив его большого пальца, будто чашка ждала этого момента.

- В журнале прачечной за вчерашний день записи нет, - сказал он тихо. - Это я вижу. Этого я вслух не скажу.

- Вы уже сказали, - ответила я. - И я это записала.

Я открыла реестр на чистой странице и вписала его слова ровным почерком, без редактуры, как он их произнес. Дата. Инициалы. Стрелка к записи о духах. Он смотрел, как я пишу, и я видела, что он понимает: теперь он свидетель, хочет он этого или нет. Не потому что я его подставила. Потому что я попросила сказать правду, и он ее сказал.

- Ливея, - произнес он, когда я закрыла реестр. - Если совет потребует журнал на проверку, я обязан буду его отдать. И тогда ваша запись уйдет вместе с ним.

- Журнал уйдет, - согласилась я. - Копия останется у меня. И у гильдии лекарей, которой я сегодня подам заявление о временном сохранении практики за пределами замка. С приложением копии договора.

Он встал, собрал тетради, и я заметила, что папку он забыл на столе под чайником. Я не стала ему о ней напоминать. Я накрыла ее крышкой плотнее и подвинула к краю, чтобы было видно: вещь осталась здесь, забрать можно в любой момент, но я ее уже видела.

В дверь постучали снова. На этот раз три раза, быстро и нервно. Так стучит Нора Пелл, когда несет что-то, что не должна нести. Я открыла.

Она стояла на пороге с подносом, на котором лежал сложенный вдвое лист дорогой бумаги и стояла чашка чая, накрытая тканой салфеткой. От чашки пахло жасмином, и я впервые за два дня в замке почувствовала запах, который не был мне чужим.

- От лорда, - сказала Нора, не глядя мне в глаза. - Записка и плата за осмотр. Официально, через кассу дома.

Она поставила поднос на стол и ушла, не дожидаясь ответа. Я сняла салфетку. Под ней лежала монета в пять золотых, отчеканенная в Морр-Холле, с прошлогодним тиснением, и сложенный лист. Я развернула.

«Прошу допустить меня к осмотру раны на левом предплечье в лечебнице восточного крыла сегодня после полудня. Оплата по прейскуранту домашнего целителя, по официальному тарифу. Подпись: Северин Морр, лорд Морр-Холла».

Ни слова о том, кто менял ему белье. Ни слова о духах. Ни слова о том, что он не может приказывать мне в моей же лечебнице. Только тариф и подпись. Я положила записку рядом с реестром и впервые за этот день почувствовала, как у меня поднимается по шее не злость, а что-то хуже. Что-то, от чего у меня всегда немели пальцы, когда я слышала его голос в коридоре.

Я спрятала монету в карман фартука, поверх записи о прачечной, и пошла готовить стол к осмотру. К обеду лорд Морр-Холла будет сидеть на моем табурете, и я впервые за три года заработаю на нем деньги, которые мне причитаются.

Глава 5. Клятва у двери

Я подметала пол в своей лечебнице в башне, когда слышала шаги в коридоре. Не тяжелые, как у стражи, и не легкие, как у прислуги, а осторожные, с паузой перед дверью. Кто-то стоял там и решался войти. Я подметала дальше, не поднимая головы. Кто бы это ни был, он мог подождать, пока я закончу с мусором, который натащили в мою лечебницу за три года моего отсутствия: пыль, мышинный помет, чьи-то забытые перчатки и осколки разбитой банки.

Дверь открылась без стука. Нора Пелл, ключница, протиснулась боком, прижимая к груди сверток из серой ткани. Ее лицо было таким же бесцветным, как и всегда, но я заметила, как дрожат ее пальцы. Это была не та дрожь, которую видишь у больных. Это была дрожь человека, который несет что-то опасное и пытается решить, кому это отдать.

Ливея, прошептала она, и от этого имени, произнесенного в моей собственной лечебнице, у меня сжалось горло. Она назвала меня по имени. Не госпожа Арден, не лекарь, не бывшая хозяйка. Ливея. Я отставила метлу и медленно выпрямилась.

Нора Пелл не стала тратить время на объяснения. Она положила сверток на мой рабочий стол, развернула ткань. Под ней лежало письмо. Не новое. Старое, с пожелтевшими краями, с печатью, которую я узнала бы даже с завязанными глазами. Печать дома Морров. Но не та, которую ставят на официальные документы. Другая. Личная. Та, которую Северин использовал только для писем своей жене. Для меня.

Где ты это взяла, спросила я, и мой голос прозвучал ровно, хотя внутри все оборвалось.

Нора не ответила. Она стояла передо мной, сложив руки на животе, и молчала. Я видела, как она борется с собой. С одной стороны, она была ключницей Морр-Холла, человеком Рэйвена Корда. С другой она три года работала в доме, где меня сначала любили, потом вышвырнули, а теперь вернули, как вещь. И вот она стояла здесь, в моей лечебнице, и принесла мне письмо, которое могло стоять ей места.

Я взяла конверт. Он был тяжелым от времени и от того, что в нем лежало. Я сломала печать и вытащила лист. Почерк Северина. Я узнала бы его среди тысячи. Крупные буквы, наклон вправо, чернила, которые он всегда разводил слишком густо.

Письмо было написано за два дня до моего публичного развода. Два дня до того, как меня вывели под руки из большого зала. Два дня до того, как Рэйвен Корд объявил, что его племянник расторгает брак с целительницей Арден по причине измены и отравления. Я помнила каждое слово того объявления. Помнила, как Северин стоял рядом с новой невестой и молчал. Помнила, как мои ноги не слушались, когда меня вели к выходу. Помнила, как Томас Вейн отвернулся, чтобы не смотреть мне в глаза.

Я начала читать.

Ливея, писал Северин. Я знаю, что ты не виновата. Знаю, что тебя подставили. Рэйвен показывает мне доказательства, но я нашел другие доказательства, которые он от меня прячет. Тетрадь лежит в аптеке, под половицей у окна. Я не могу забрать ее открыто. Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже заставили сделать то, что я не хотел делать. Прости меня.

Я перечитала письмо дважды. Потом третий. Мои руки не дрожали. Они были каменными.

Тетрадь. Я вспомнила старую половицу у окна в аптеке. Я наступила на нее вчера, когда осматривала свои новые владения, и она чуть качнулась под моей ногой. Я тогда не стала ничего трогать. Я была занята подмененными травами и прошлогодними корнями, которые кто-то подсунул в мою лечебницу. Но я запомнила эту половицу. Я запоминаю все, что шатается в чужом доме.

Я сложила письмо и спрятала его под фартук. Нора Пелл все еще стояла у двери. Я подошла к ней и взяла ее за руку. Ее пальцы были холодными и тонкими, как птичьи кости.

Спасибо, сказала я. Она кивнула и ушла, не сказав ни слова. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком.

Я осталась одна в своей лечебнице. В руке у меня было письмо от бывшего мужа, написанное за два дня до того, как он меня уничтожил. В этом письме он писал, что знает правду. Что меня подставили. Что он нашел доказательства, которые Рэйвен от него прячет. Что он не хотел делать то, что его заставили сделать.

И он молчал. Три года. Три года он молчал, пока я варила микстуры в своей лавке, пока Мира считала медяки, пока я каждую ночь видела во сне большой зал и его молчание рядом с другой женщиной.

Я села на табурет у окна и посмотрела на шатающуюся половицу. Тетрадь лежала под ней. Доказательство, которое Северин не смог забрать. Доказательство, которое Рэйвен Корд спрятал так, чтобы его племянник не смог до него добраться. Доказательство, которое меняло все.

Я не пошевелилась. Мне нужно было подумать. Если я вытащу тетрадь сейчас, если меня застанут с ней в руках, совет получит формальный повод выставить меня за порог. Если я буду ждать, Рэйвен может узнать, что Нора принесла мне письмо, и перепрятать тетрадь. Если я расскажу Северину, что нашла письмо, он может отобрать его у меня, как отобрал тогда, три года назад, мое право голоса.

За окном начинало светать. В коридоре слышались шаги. Тяжелые. Уверенные. Я узнала бы эту походку где угодно. Северин шел в башню. Шел за мной. Шел за перевязкой, которую он просил на рассвете и которую я отказалась сделать.

Я быстро сунула письмо в карман фартука и прижала руку к груди, чувствуя сквозь ткань шершавый край бумаги. Доказательство жгло мне кожу. Доказательство меняло все.

Но сначала мне нужно было выжить в этом доме еще один день. Мне нужно было перевязать его рану, которую он объяснил спаррингом с Каэлом, хотя рука на рукояти меча была не его. Мне нужно было молчать и улыбаться и варить лекарства для людей, которые три года назад смотрели, как меня выводят под руки из зала.

Я встала, одернула фартук и пошла открывать дверь.

Шаги в коридоре оборвались у двери. Я успела надеть чистый фартук поверх того, в кармане которого лежало письмо, и вымыть руки в тазу. Холодная вода стекала с пальцев, и я смотрела, как она уносит остатки ночи. Дверь открылась без стука, и это было единственное, чего я не смогла изменить в этом доме: право войти в мою лечебницу без приглашения.

Северин стоял на пороге. Он был в той же рубашке, в которой приходил на рассвете. Засохшая кровь на левом плече превратилась в коричневую корку, ткань прилипла к ране. Он смотрел на меня так, будто впервые увидел мою лечебницу, хотя стоял у порога уже третий раз за два дня.

Доброе утро, сказал он. Голос был ровным, но я услышала в нем ту трещину, которую он прятал всю жизнь.

Я не ответила. Я подвинула табурет к столу, положила чистую салфетку, поставила чашку с теплой водой. Опустила руки в таз, вытерла о полотенце. Все это заняло у меня ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы он понял: я не тороплюсь к нему подходить.

Левый бок, сказала я наконец. Мне нужно снять рубашку. Вам придется раздеться до пояса. По контракту.

Он помедлил. Я видела, как он переводит взгляд с моего лица на мои руки, с моих рук на стол, заставленный склянками. Он не привык, чтобы ему диктовали условия в его собственном доме. Три года назад я бы подала ему бинт и молча отвернулась. Теперь я диктовала. Мне это нравилось меньше, чем он думал, но я держала лицо.

Он расстегнул ворот. Медленно. Я заметила, что он делает это одной правой рукой. Левая висела плетью, потому что плечо отекло и не слушалось. Когда он стянул рубашку через голову,

я увидела рану целиком. Она была длинной, от ключицы до лопатки, и шла не в том направлении, в котором оставляет клинок при спарринге. При спарринге клинок идет снизу вверх, под углом. Эта рана шла прямо, как от удара мечом или ножом сверху вниз. Так бьют не в учебном бою. Так бьют, когда хотят убить или запугать.

Я подошла ближе. Мои пальцы были чистыми и холодными от воды. Я взяла его за плечо и повернула к свету. Мне нужно было видеть края раны. Он замер под моими пальцами, и я почувствовала, как напряглись мышцы под моей ладонью. Это было знакомое напряжение. Я помнила его по ночам, когда мы были женаты, и он приходил ко мне с синяками после очередного разговора с Рэйвеном.

Кто это сделал, спросила я, не поднимая глаз.

Он молчал. Я ждала. В тишине слышно было, как капает вода из мокрого бинта в таз.

Спарринг, сказал он наконец.

Я промокнула рану салфеткой. Кровь пошла снова, жидкая и алая, и я поняла, что рана не закрылась, потому что он не давал ей закрыться. Он двигал рукой, носил тяжести, тренировался. Он хотел, чтобы она кровоточила. Он хотел, чтобы я видела кровь.

Каэл так не бьет, сказала я. Я знаю его стиль. Я перевязывала вас обоих три года назад.

Он не ответил. Я набрала мазь из банки, пахнущую воском и зверобоем. Я сама варила эту мазь вчера ночью, когда не могла уснуть, потому что думала о тетради под половицей и о письме в кармане фартука. Мои руки помнили рецепт лучше головы.

Я начала накладывать мазь. Мои пальцы проходили по коже вокруг раны, не касаясь ее самой. Я чувствовала его тепло через кончики пальцев. Я чувствовала, как он старается не дышать, чтобы не выдать, что ему больно.

Это не спарринг, сказала я снова. И вы это знаете.

Он повернул голову и посмотрел на меня. Я подняла глаза и встретила его взгляд. В его глазах было что-то, что я не могла прочитать. Может быть, это была усталость. Может быть, это был страх. Может быть, это было что-то, чему я не хотела давать имя.

Я отвела взгляд первой. Я достала бинт и начала перевязывать его плечо. Бинт ложился ровно, без складок, потому что у меня были руки, а не потому, что он мне доверял.

Когда я закрепила повязку, он спросил:

Почему вы не открыли дверь на рассвете?

Потому что это мой кабинет, сказала я. Я имею право не впускать вас, когда я не готова. По контракту.

Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то на чужом языке. В его доме так не говорили. В его доме двери открывались по его стуку, а не по желанию женщины с фартуком лекаря.

Я сняла фартук и повесила его на крючок у двери. Письмо в кармане осталось невидимым. Я могла поклясться, что Северин заметил движение ткани, когда фартук качнулся. Но он ничего не сказал.

Завтра в это же время, сказала я. Если рана откроется снова, приходите раньше.

Он натянул рубашку. Я не стала помогать ему с левым рукавом. Он справился сам, как справлялся всю жизнь. У двери он помедлил. Я видела, как его пальцы сжались на ручке двери.

Ливея, сказал он тихо.

Мне не нужно было поднимать голову, чтобы понять, что он хочет сказать. Я стояла спиной к нему и мыла руки в тазу. Вода стала розовой от его крови и от моей мази. Я смотрела, как розовые разводы расплываются по поверхности.

Завтра в это же время, повторила я. Дверь закройте, пожалуйста.

Он закрыл дверь. Я слышала его шаги по коридору, удаляющиеся к лестнице. Я вытерла руки и села на табурет у окна. Половица под моими ногами чуть качнулась. Тетрадь лежала под ней и ждала.

Я положила ладонь на шатающуюся доску и почувствовала, как под ней пусто. Пусто и тихо, как в доме, где меня когда-то любили, а теперь вернули, как вещь. Я не вытащила тетрадь. Не сегодня. Сначала мне нужно было понять, кто в этом доме на моей стороне, а кто против меня. Нора Пелл сделала свой выбор. Теперь выбор предстоял мне.

За окном поднимался холодный рассвет. Из кухни тянуло хлебом и мятой. Кто-то в этом доме все еще помнил, что я люблю мяту к утреннему чаю. Я не стала думать о том, кто это был. Я сняла фартук с крючка, сунула его в ящик стола, заперла ящик на ключ и пошла вниз, к завтраку, который мне не подадут первым.

Я спускалась по черной лестнице, и ступени под ногами были скользкими от утреннего мокрого снега, который кто-то стряхнул с сапог и не вытер. Мне не подадут первое слово, и я это знала. Поэтому я шла не в большой зал, где совет уже собирался пить утреннее пиво, а в кухню через внутренний двор.

Мне нужна была Нора Пелл.

Нора Пелл стояла у печи, в которой пекся хлеб, и разливала по мискам кашу. На ней была та же серая юбка, что и вчера, и тот же передник с чужой вышивкой, которую я когда-то заказывала для собственной кухни. Руки у нее были красные, в муке и ожогах. Она увидела меня, и я увидела, как она меня увидела: сначала быстрый взгляд, потом короткая запинка, потом кивок.

Госпожа, сказала она.

Не госпожа, сказала я. Гостья. По договору.

Она поставила миску передо мной на край стола, и я поняла, что она мне подала первой. Не как хозяйке, а как больной. Каша была горячей, с маслом и солью, и пахла тем же хлебом, который я чувствовала из лечебницы.

Я ела молча. Нора не спрашивала меня ни о чем. Она знала, что в этом доме вопросы к женщине из лечебницы всегда идут в обмен на чужую монету, и я эту монету не платила. К половине миски она подошла ближе и, не поднимая глаз, положила мне под ложку сложенный вчетверо клочок бумаги.

Я не стала его разворачивать при ней. Я доела кашу, вытерла губы тыльной стороной ладони и убрала клочок в карман фартука, в тот же карман, где лежало вчерашнее письмо. Бумага была тонкой, мятая, с запахом дешевой типографской краски. Я узнала этот запах. Этой бумагой пользовалась Ина Сторм, когда писала своим поставщицам ткани.

Я вышла из кухни через низкую дверь во двор. В лицо ударил мокрый ветер с кряжа, в нем пахло хвоей и холодной золой. Я обошла угол конюшни, где Томас Вейн всегда стоял по утрам со списком подков, и поднялась по черной лестнице обратно, к лечебнице. Там, за закрытой дверью, я развернула клочок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.